

Культурные Сокровища России.
ВЫПУСКЪ 14-й.

[17 наст + 8 вкл]

Милій Достоевский.

СУЗДАЛЬ.

Подъ редакціей И. Н. Бороздина.

ИЗДАНІЕ
Т-ва „Образованіе“ въ Москвѣ.

Типографія П. Е. Васильєва, п./ф. «Ломоносовъ». Москва

Страницка исторіи.

«Люби отчины край и сердцемъ къ ней гори»;
«О славныхъ предкахъ ты съ восторгомъ говори».

О первоначальномъ основаніи Суздаля нѣтъ достовѣрныхъ чизвѣстій. Можно сказать, что Суздаль принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Россіи. Только съдой Кіевъ, золотыми главами своихъ храмовъ выплывающей изъ непроницаемаго тумана съдой старины, и немногие города Россіи могутъ поспорить въ этомъ отношеніи со скромнымъ уѣзднымъ городкомъ Владимиrской губерніи.

Дремуче лѣса и глухія дебри, за которыми на зарѣ русской жизни лежала Суздальская область, послужили вѣроятно фундаментомъ оригинальной легенды о началѣ, Суздаля, записанной лѣтописцемъ XVIII вѣка Ананіемъ Федоровымъ. Послѣ всемирного потопа и смытанія языковъ, говорить онъ, появились на свѣтѣ три брата изъ племени Іафетова: Санъ, Авесарханъ и премудрый Асанъ. Пришли они на землю русскую. Первые два построили много городовъ близъ Варяжскаго моря, въ томъ числѣ и Великій Новгородъ а третій братъ Асанъ отправился въ дикія лѣса и топи, гдѣ основалъ городъ, по своему сужденію Суждаль.

Разбирая происхожденіе этого слова, учёные дали много толкованій по этому поводу. Нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что въ этомъ городѣ князья судили народъ, отчего и произошло название «Суждаль»; по мнѣнію другихъ имя Суздаля (*Susudal*) указываетъ на финское происхожденіе первоначального его населенія.

Въ первый разъ Суздаль упоминается въ лѣтописи Нестора подъ 1024 годомъ, въ разсказѣ о возмущеніи мѣстныхъ волхвовъ. Суздальцы подъ вліяніемъ суевѣрныхъ убѣждений, приписали возникшій голодъ чарамъ волхвовъ и колдуновъ и начали безжалостно избивать ихъ. Появленіе Мудраго Ярослава возстановило порядокъ. По преданію въ Суздалѣ былъ между прочимъ и Раflноапостольный князь Владимиrъ, поставившій въ 988 (6496) году епископомъ Суздальскимъ Феодора, скончавшагося здѣсь и погребеннаго въ Богородице-Рождественскомъ соборѣ. Настѣнная надпись у мощей святителя Феодора, сдѣланная въ 1635 году гласитъ: «въ лѣто 990 (6498) первый и великий князь Владимиrъ просвѣти Суждальскую землю святымъ крещеніемъ и

паству вручи епископу Феодору». Въ концѣ XI вѣка надъ Суздалемъ разразилось неожиданное бѣдствіе во время борьбы Олега Черниговскаго съ дѣтьми Владимира Мономаха: Изяславомъ и Мстиславомъ. Олегъ въ 1096 году овладѣлъ Суздалемъ; за павшаго въ битвѣ подъ Муромомъ брата Изяслава вступился Мстиславъ и предложилъ Олегу немедленно оставить Сузdalъ, что тѣсть и исполнилъ, приказавъ сжечь городъ. «Остался токмо», говаритъ лѣтописецъ, «дворъ монастырской и церковь, юже бѣ дать Ефремъ и съ селы¹⁾». Послѣ побѣды одержанной Мстиславомъ, пѣнныи Олегомъ сузальцы были освобождены.

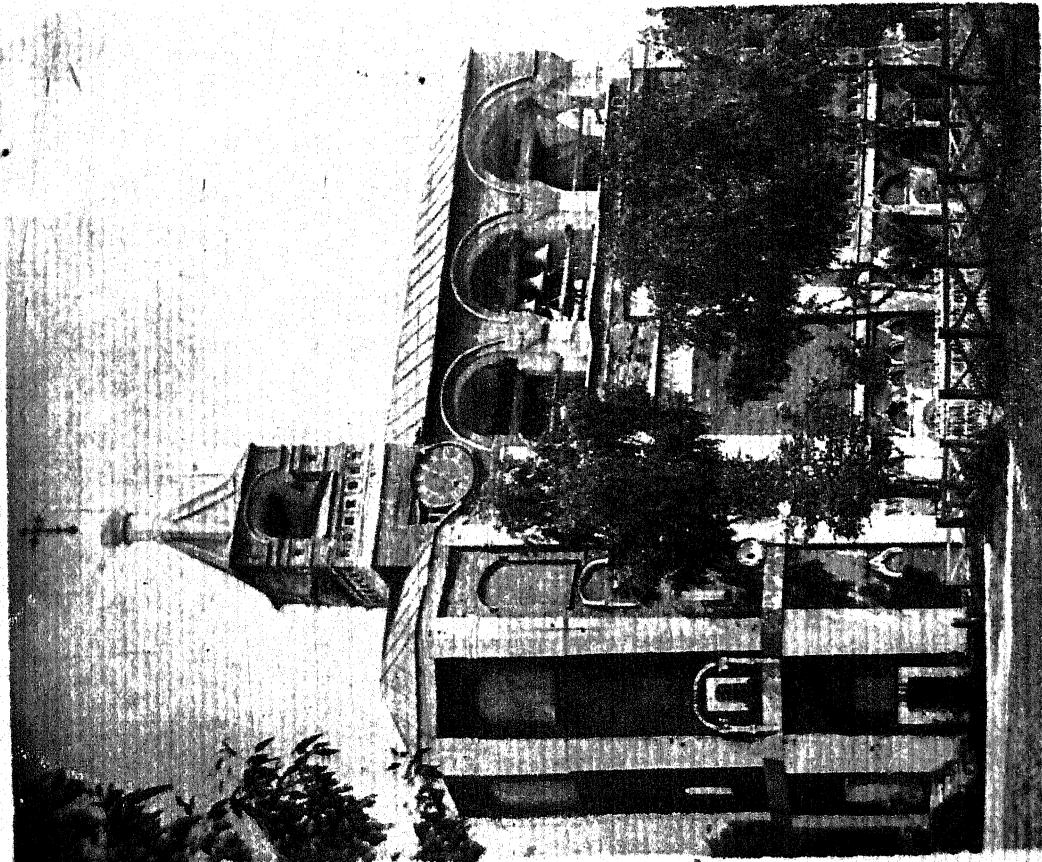
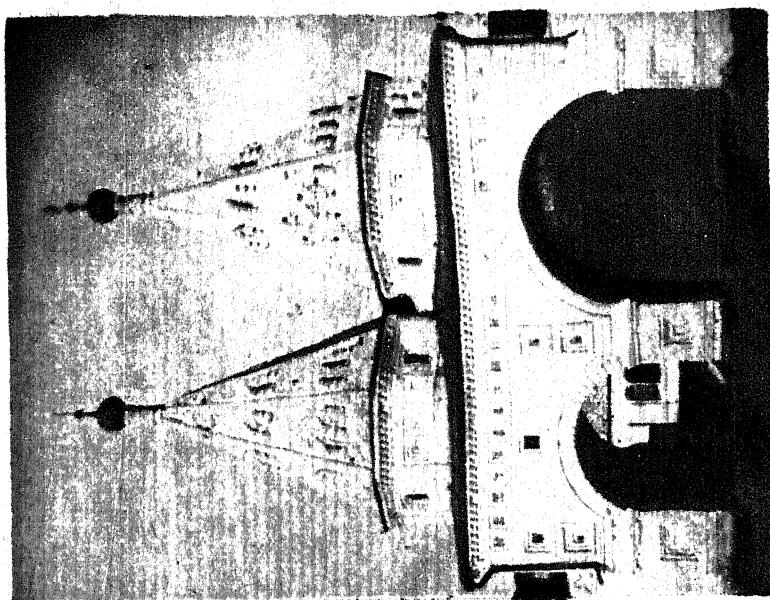
Мономахъ еще при жизни своей отдалъ Сузdalскую область сыну своему Юрію, прозванному Долгорукимъ (1125—1157 г. г.) Юрій весьма много сдѣлалъ для этого края; новгородскій лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что при немъ появилось множество храмовъ и Сузdalъ сдѣлался центромъ религіозной образованности и столичнымъ городомъ. Юрій построилъ здѣсь церковь во имя Всемилостивѣшаго Спаса, несохранившуюся впрочемъ до настоящаго времени. Равнымъ образомъ въ 1521 году онъ построилъ близъ Суздаля на берегу рѣки Нерли каменную церковь Бориса и Глѣба, гдѣ погребены были его сынъ Борисъ Юрьевичъ съ супругой Марией и дочь ихъ Евфросинія. Этотъ памятникъ церковной архитектуры ХП вѣка сохранился до настоящаго времени.

Сузdalъ и Новгородъ, по даннымъ исторіи давно уже враждовавши междуд собой, искали случая помѣриться силами. Пояхдъ сузальцевъ противъ Новгорода оказался для нихъ неудаченъ; они были разбиты новгородцами и взяты въ пленъ въ такомъ множествѣ, что по словамъ лѣтописи, за гравну отдавали тогда четырехъ сузальцевъ. Отдѣльные моменты изъ этого кроваваго эпизода естественно вдохновляли сузальскихъ и новгородскихъ художниковъ послѣдующихъ эпохъ. Лубочные картины, до сихъ поръ разбрасываемыя сузальскими и палеховскими оfenями, трактуютъ излюбленный сюжетъ «битвы съ новгородцами».

Нашествіе монголовъ естественно не миновало и Суздаля. Подступивъ къ Владимиру, Батый направилъ часть своего войска къ Суздалю. Татары взяли городъ, сожгли его, а населеніе большую часть увели въ пленъ. Въ битвѣ при рѣкѣ Сити палъ великий князь Юрій; немногіе изъ жителей спаслись въ Ризположенскомъ монастырѣ, уцѣлѣвшемъ послѣ всенощаго разрушенія. Послѣ татарскаго нашествія уже при новыхъ условіяхъ русской исторической жизни, начинается новый періодъ въ исторіи Суз-

1) Сузdalъ и его достопамятности, изд. Влад. Уч. Арх. Ком. стр. 5.

Звонница Спасо-Евфимієва монастиря
Входня ворота Ризоположенського
монастиря.

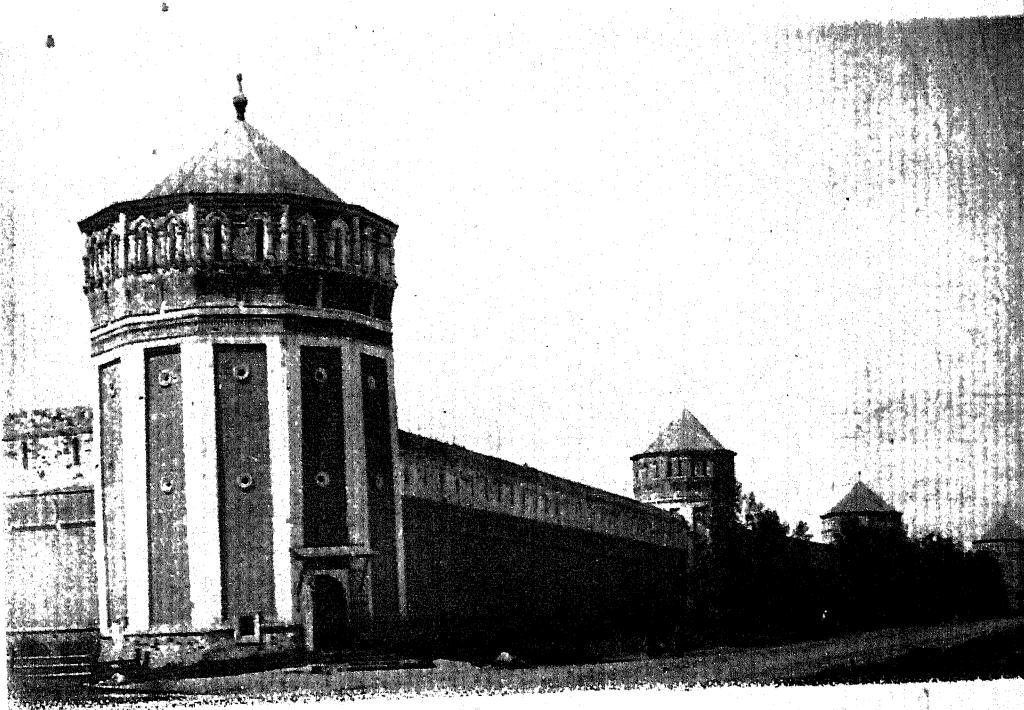
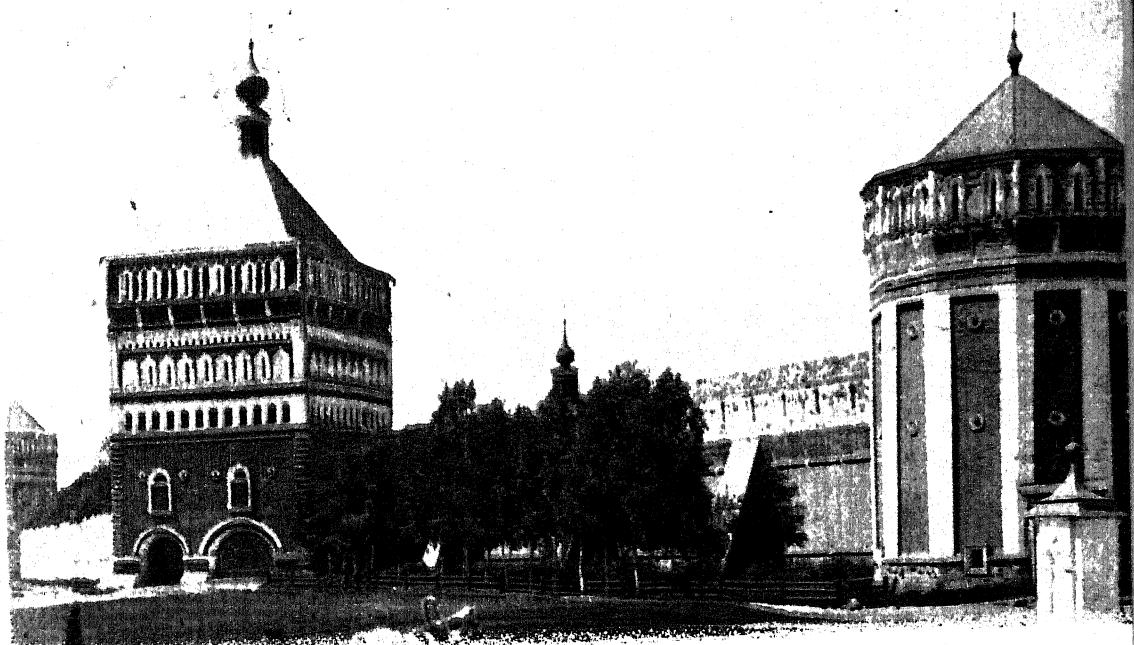
даля и Сузdalского княжества. Происходитъ борьба между князьями московскими, тверскими и сузальскими и кончается побѣдой сильнѣйшаго московскаго князя; въ Москву переносится и великокняжескій престолъ. До окончательнаго подчиненія московскому государству, Сузdalъ бытъ еще несомнѣнно многолюднымъ и богатымъ городомъ, а жители его, по выражению лѣтописи, славились «досужествомъ въ художествѣ и промышлахъ». Зависимость отъ московскихъ князей особенно тяготила Сузdalъ и побудила его начать борьбу за свою самостоятельность. Въ этомъ отношеніи выдающейся личностью былъ князь Константинъ Васильевичъ. «Онъ княжилъ честно и грозно, оберегая свою отчизну отъ сильныхъ князей и отъ татаръ». Въ этихъ видахъ князь перенесъ свою столицу изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ, подальше отъ Москвы. Подчиненіемъ Москвѣ въ 1392 году окончательно заканчивается самостоятельное нижегородско-сузальское княжество. Московскіе князья по выражению лѣтописи «взяли наконецъ свою волю надъ сузальскими князями». Съ момента окончательнаго подчиненія Москвѣ, Сузdalъ утратилъ и то политическое значеніе, которое онъ имѣлъ въ самостоятельномъ удѣльномъ княженіи, какъ столица своихъ князей. Ставши рядовымъ городомъ Московскаго государства и находясь въ оживленно-торговыхъ путей того времени, Сузdalъ въ XV и XVI вѣкахъ не пріобрѣлъ выдающагося положенія и въ горшко-промышленномъ отношеніи. Исторія Суздаля въ XV вѣкѣ темна; но уже къ концу этого столѣтія мы видимъ Сузdalъ въ числѣ такъ называемыхъ «замосковныхъ» городовъ. Въ половинѣ XVI вѣка Сузdalъ уже взятъ Иваномъ Грознымъ въ оличину, а пятнадцать лѣть спустя въ Суздалѣ на посадѣ насчитывалось всего 414 дворовъ. Жизнь этого провинціального города текла мирно до начала XVII вѣка, когда волна смуты, поднявшаяся въ Русскомъ государствѣ захватила и его, принеся ему разореніе, почти равное татарскому разоренію начала XIII вѣка.

Церковная исторія Суздаля тѣсно связана съ его политической исторіей. Сами сузальцы съ гордостью указываютъ, что незауществующій теперь храмъ въ честь Рождества Пресвятаго Богородицы былъ построенъ самимъ Равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ въ 990 году. Внукъ Юрія Долгорукаго Юрій II сильно старался поднять сузальское церковное строительство, оставивъ послѣ себя какъ памятникъ церковнаго зодчества храмъ Рождества Богородицы. Блестящій періодъ строительной дѣятельности Суздаля падаетъ на XII и XIV вѣка Такъ въ 1207 году

основанъ Ризположенскій монастырь, въ которомъ подвизалась княжна Феодулія, въ иночествѣ Евфросинія. Около того же времени основанъ Троицкій женскій монастырь для вдовъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка въ Суздалѣ существовалъ уже Васильевскій мужской монастырь, а нѣсколько позднѣе возникаетъ здѣсь монастырь Спасо-Преображенскій. Смутное время панесло Суздалю такое жестокое раззореніе отъ котораго онъ не могъ оправиться долгіе годы. Особенно сильно Суздаль пострадалъ при Лжедимитрѣ II. Въ 1608 году поляки, литовцы и «руssкіе воры» подъ предводительствомъ Лисовскаго взяли Суздаль и устроили въ немъ свой укрѣпленный лагерь. Хотя сузальцы, присягнувъ второму самозванцу и получили отъ него похвальную грамоту, но тѣмъ не менѣе городъ и его окрестности подверглись жестокому разграбленію. Слѣды его точно зарегистрированы въ описяхъ 1612—1630 года. Перваяпись, сдѣланная по свѣжимъ сѣдѣдамъ по приказу стольника и воеводы князя Д. М. Пожарскаго констатировала ужасный разгромъ. Въ Суздалѣ на посадѣ въ острогѣ и за острогомъ было «жилецкихъ и посадскихъ 78 дворовъ, людей въ нихъ тожъ 19 дворовъ, люди коихъ ходятъ по миру, 60 мѣсть дворовъ пустыхъ, люди коихъ также скитаются по миру или разбрелись по городамъ и селамъ безвѣстно, 251 мѣсть дворовыхъ пустыхъ, люди побиты отъ литовцевъ, и иомерли».

Въ писцовой книжѣ 1628—30 года сохранилась болѣе подробная сузальская опись. «Городъ Суздаль ветхъ, у него четыре ворота, въ городѣ каменная соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, пять деревянныхъ церквей, 120 дворовыхъ мѣсть и 5 лавокъ пустыхъ». Въ лавкахъ торговали солью, льномъ, лукомъ, чеснокомъ хмѣлемъ, хлѣбомъ, и калачами, москателемъ и пушнымъ товаромъ, мыломъ, медомъ, краининой, сапогами, лаптями, рукавицами, рэгожами, желѣзными и серебряными издѣліями, горшками, свѣчами, рыбой, мясомъ, киселемъ и масломъ. На окраинахъ города стояли три монастыря— Спасскій, Покровскій и Васильевскій съ слободками при нихъ. Изъ приведенной описи видно, что и черезъ 20 лѣтъ послѣ литовскаго раззоренія слѣды перенесенного бѣдствія были еще довольно замѣтны.

Не успѣлъ Суздаль оправиться отъ перенесеннаго бѣдствія, какъ ему пришлось испытать новыя невзгоды. Не говоря уже о чудовищномъ разграбленіи со стороны крымскихъ татаръ или грандіозномъ пожарѣ 1644 года, Суздаль десятилѣтіе спустя постигла страшная моровая язва, унесшая въ могилу 1177 человѣкъ; въ живыхъ осталось только 1390 человѣкъ въ 477 дворахъ. Въ воспоминаніе прекращенія эпидеміи на мѣстѣ молебствія,

Ограда Спасо-Евфимієва монастыря; входная башня.

Ограда Спасо-Евфимієва монастыря.

тамъ гдѣ улицы сходятся крестообразно, была устроена деревянная часовня названная по своему мѣстонахожденію «Крестомъ». Въ 1770 году на мѣстѣ часовни усердіемъ сузальцевъ была сооружена каменная «Кресто-Николаевская» церковь, существующая до настоящаго времени.

Вторая половина XVII столѣтія прошла для Суздаля благополучно, однако городъ оправлялся медленно; къ концу этого вѣка онъ имѣлъ только 515 дворовъ, подлежащихъ казенному окладному сбору. Въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII столѣтій для благоустройства Суздаля много сдѣлалъ митрополитъ Илларіонъ. Поставленный во епископа на сузальскую каѳедру, Илларіонъ въ томъ же году былъ возвѣденъ патріархомъ Иоакимомъ въ санъ митрополита,—ради его высокихъ праведныхъ достоинствъ и «ради древняго великаго княженія сузальскаго». Митрополитъ Илларіонъ заново отдалъ соборъ Рождества Пресвятой Богородицы устроилъ каменный архіерейскій домъ, существующій несмотря на позднѣйшія передѣлки до сего времени и сохранившій отпечатокъ старинной «палатной» архитектуры XVII вѣка. Въ 1708 году при новомъ административномъ дѣленіи Россіи на 8 губерній, Сузdalъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ московской губерніи, а въ слѣдующемъ году главнымъ городомъ сузальской провинціи.

По описи 1760 года въ Суздалѣ было 17 каменныхъ приходскихъ церквей и только три церкви деревянныхъ; изъ этого можно заключить, что городъ уже значительно обновился, хотя улучшеніе его не простиравось на другія стороны городской жизни. Неизвѣстный авторъ топографическаго описанія сузальской провинціи 1760 года стмѣчаетъ, что сузальское купечество того времени было «богатствомъ средствѣнно и даже убого». Авторъ другого подобнаго же описанія, изданнаго однако позднѣе, такъ изображаетъ Сузdalъ: «сей городъ раздѣляется на двѣ главныя части изъ коихъ первая называется Кремль, а вторая Земляной городъ. Съ сѣверной стороны Кремля внизу подъ горою текеть рѣка Каменка и проходя далѣе обходитъ Земляной городъ съ западной стороны, съ прочихъ же сторонъ оныя части окружены преградными валами и сверхъ сего при этомъ городѣ находятся восемь предмѣстій и шесть экономическихъ слободъ».

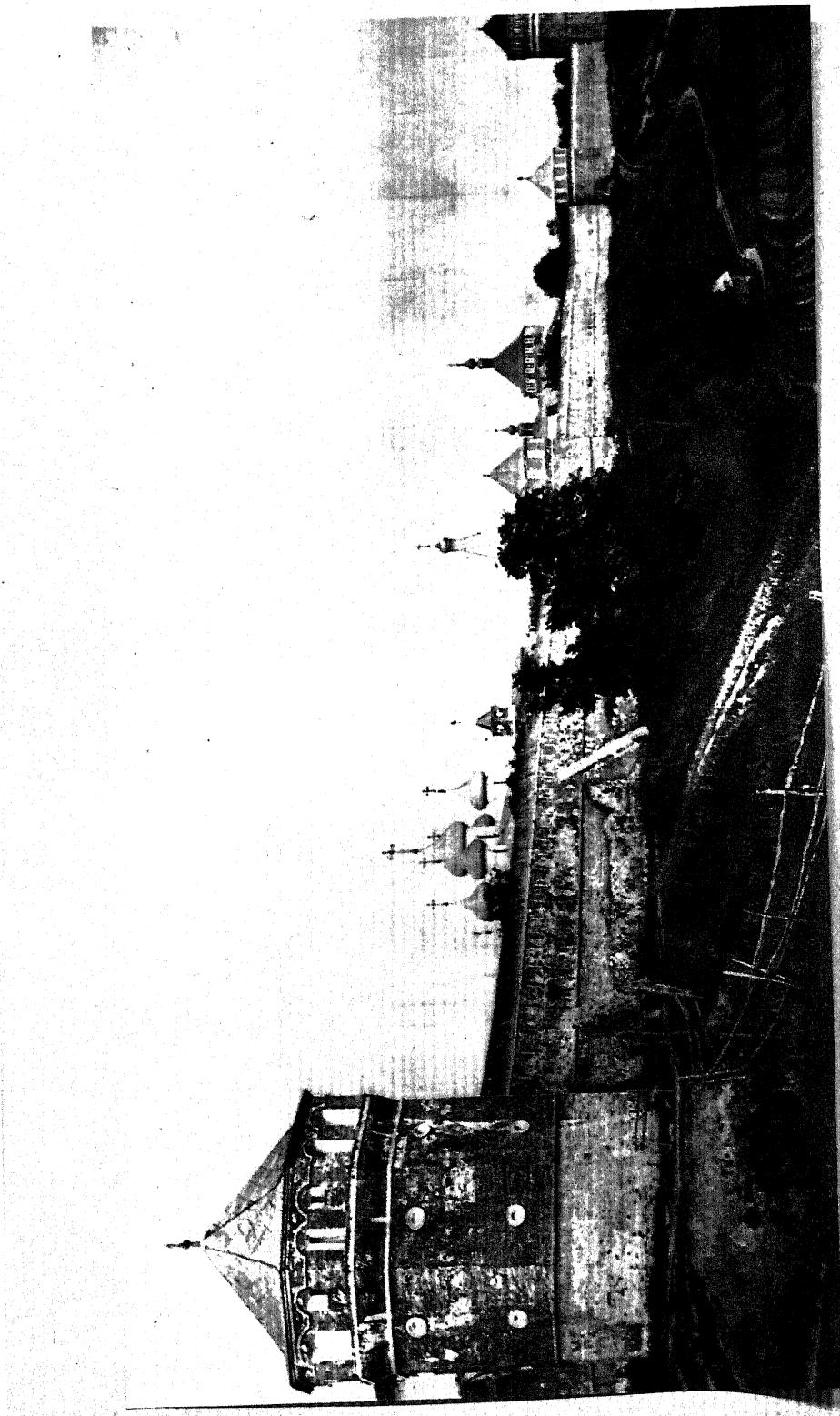
Наконецъ въ 1796 году Сузdalъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ вновь учрежденной Владимірской губерніи, а въ 1798 году перенесена была изъ Суздаля во Владиміръ и епископская каѳедра. Это административное униженіе несомнѣнно отразилось на дальнѣйшемъ положеніи Суздаля въ XIX столѣтіи. Съ этого времени Сузdalъ окончательно «захудаль», обществен-

ная жизнь ёсть несъ заглохла, торговля и промышленность оставили, а вмѣстѣ съ тѣмъ унало и его материальное благо состояніе.

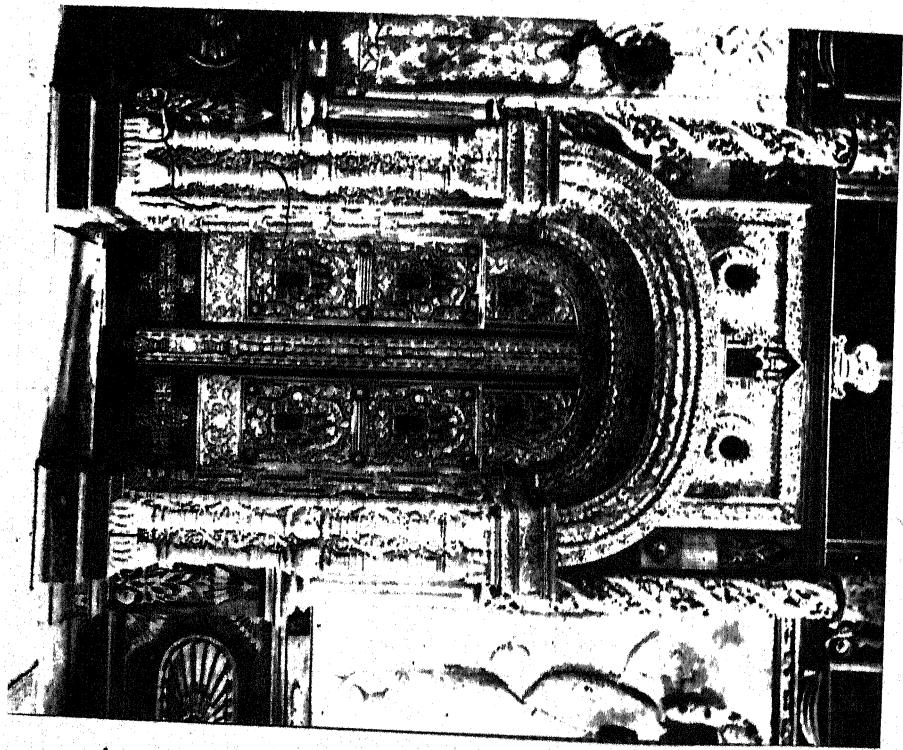
Владимиро-Сузальская архитектура.

Владимиро-сузальскія церкви давно уже привлекали къ себѣ вниманіе археологовъ и архитекторовъ-специалистовъ. Установивъ разъ навсегда извѣстную своеобразность сузальской архитектуры, ученыe сошлись на одной общей точкѣ зреїнія, что типъ церквей сузальской области отражаетъ на себѣ смѣсь двухъ вліяній: византійского и западнаго. Выраженіе архитипа по поводу построенія Владимиrскаго соборнаго храма «приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастераы», указываетъ на то, что сузальскіе князья призывали для своихъ построекъ мастеровъ изъ различныхъ земель. Византія, присвѣтившая Русь свѣтомъ христіанства, дала ей и ранніе образцы церковнаго зодчества. Первыми строителями каменныхъ церквей на Руси были греческіе зодчие, державшіеся строго въ своихъ постройкахъ тѣхъ образцовъ, какіе они имѣли случай видѣть и изучить на своей родинѣ. Мы совершенно не знаемъ ранніхъ деревянныхъ храмовъ сузальской области и мало можемъ сказать о деревянной гражданской архитектурѣ; поэтому единственнымъ критеріемъ для нашихъ сужденій о храмовомъ зодчествѣ сузальской области могутъ служить тѣ немногочисленные каменные храмы чисто византійской постройки, уцѣльвшіе до настоящаго времени.

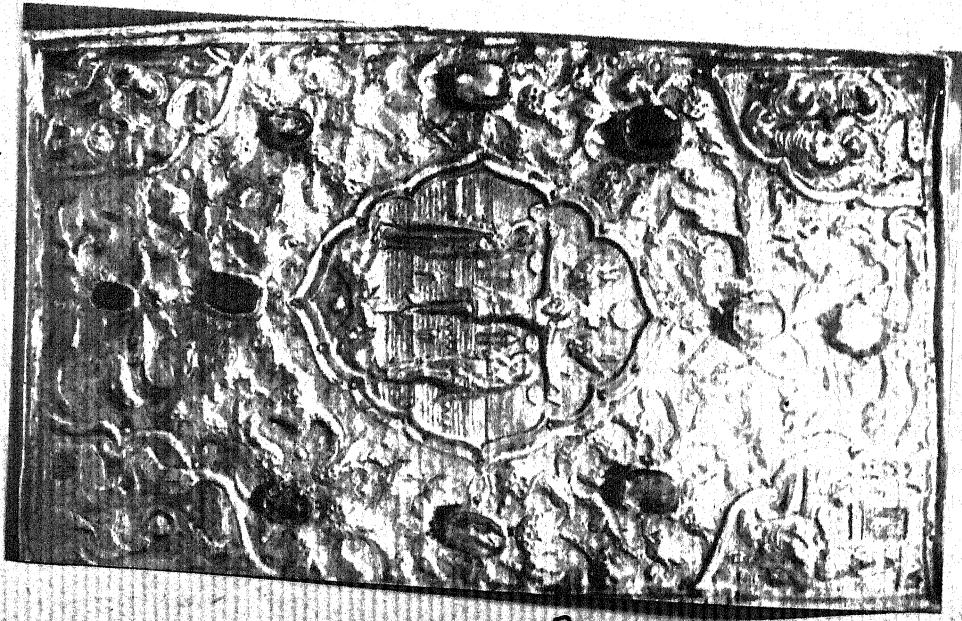
Византійскій храмъ въ общихъ чертахъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ: въ планѣ крестъ, квадратъ, или прямоугольникъ; восточная часть имѣеть три абсиды, изъ которыхъ средняя предназначена для престола, лѣвая для жертвенника и правая для діакона. Сузальскія церкви по большей части имѣютъ въ сно-емъ основаніи четыреугольникъ къ восточной сторонѣ котораго примыкаютъ три алтарныхъ абсиды. Четыре внутреннихъ столба, соединенные арками съ пиластрами, образуютъ равноконечный крестъ, вписанный внутри четыреугольника. Надъ срединой этого креста на аркахъ и люнетахъ возвышается круглый барабанъ, покрытый полусферическимъ сводомъ. Четыре оконечности креста перекрыты коробовыми полуциркульными сводами, опирающимися на арки. Стѣны внутри церкви пиластрами дѣлятся на три части, и это дѣленіе какъ нельзя лучше обрисовываетъ типъ византійской церкви. Прямыхъ карнизовъ храмы Византіи не знали, и крыши церквей покрывались прямо по

Ограда Спасо-Евфимієва монастиря.

2

3

Царскія врата въ д. Рождество Богородицы Евангеліе въ Покаралаго въ Спасо-Ефимьевомъ монастыре.

сводамъ. Три выступа алтаря покрывались полусферическими сводами и крышами, подходящими къ очерку аркамъ арокъ, составляющимъ верхъ восточной стѣны. Стѣны съверная, западная и южная не были одинаковой толщины во всемъ своемъ протяженіи: ихъ нижняя половина до высоты хоръ была толще и имѣла снаружи обрѣзъ, опоясывающій церковь по серединѣ фасадовъ. Въ среднемъ широкомъ отдѣлѣ трехъ фасадовъ находится полуциркульная дверь, обведенная нѣсколькими архивольтами, опирающимися на колонки.

По такому типу выстроены всѣ церкви Суздаля, за исключениемъ суздальского Рождественского Богоордицна собора. Отличіе постѣдняго состоитъ въ томъ, что вместо квадрата въ основаніи взять удлиненный прямоугольникъ, сближающій суздальскій соборъ съ церквами Киева, хотя планъ и конструкція его по прежнему остаются византійскими. Оригинальность владимиро-суздальской архитектуры составляютъ другія особенности, которыми эти церкви отличаются отъ древнихъ храмовъ кievскихъ и новгородскихъ. Сюда относится во-первыхъ горизонтальный узорчатый поясъ, состоящий изъ ряда арочекъ, поддерживаемыхъ колонками, утвержденными на фигурныхъ кронштейнахъ. Такимъ образомъ, этотъ поясъ предназначенъ раздѣлять наружные стѣны на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Вторую особенность владимиро-суздальской архитектуры составляетъ почти такой же узорчатый карнизъ, увенчивающій алтарные абсиды и верхнюю часть трибуны. Третьей отличительной особенностью суздальскихъ церквей являются двери своеобразной формы въ видѣ романскихъ порталовъ съ полукруглымъ верхомъ и большими откосами по сторонамъ, установленными столбами и колоннами, въ свою очередь стянутыми кверху узорчатыми полукруглыми перемычками. Наконецъ четвертую самую характерную особенность владимиро-суздальской церковной архитектуры составляютъ скульптурные или обронные украшенія на наружныхъ стѣнахъ въ видѣ человѣческихъ фигуръ, птицъ, животныхъ и растеній. Вкусъ къ подобнымъ украшеніямъ развивался постепенно. Первые обронные украшенія нашей церковной архитектуры встрѣчается уже въ XI вѣкѣ и увеличиваясь мало по малу, доходятъ въ церквахъ владимиро-суздальской области до XII вѣка. Начинаясь со скромнаго почти гладкаго пояса, обронные украшенія на нѣкоторыхъ памятникахъ суздальской архитектуры образуютъ сплошную массу узоровъ, фигуръ и арабесокъ отъ основанія до самой кровли.

Фантастическая изображенія животныхъ, насѣкомыхъ и людей, столь рельефно подчеркивающихъ особенность суздальского храмового строительства, были уже давно известны народамъ,

жившимъ на территорії Россіи. У Чуди, напримѣръ, изображенія разныхъ змѣй и животныхъ встречаются уже на предметахъ каменного и бронзоваго періода. Перенесенные на дерево эти мотивы охотно трактуются славянами. Отголоскомъ этой фантастики являются легенды о Бабѣ-Ягѣ, жилице которой поддерживается мощными лапами полудракона-полусфинкса. То же самое напоминаютъ, пожалуй, декоративные мотивы владимиро-суздальскихъ церквей; здѣсь тѣ же животныя, которыхъ поддерживаютъ колонки главнаго пояса. По вопросу о томъ, какимъ путемъ появились на Руси эти фантастические изображенія, ученые высказываютъ соображенія въ общемъ клонящіяся къ мысли о восточномъ вліяніи. Изучая орнаментику суздальскихъ храмовъ невольно приходитъ на мысль далекая Азія или остатки браминской эпохи. Восточное вліяніе на раннюю русскую орнаментацию XII вѣка подтверждается и многочисленными расколками, различными археологическими находками, фрагментами различныхъ матерій и наконецъ фантастическими украшеніями стѣнъ нашихъ храмовъ.

Владимиро-Сузdalская архитектура сохранила чисто «перспективный» характеръ романскихъ порталовъ въ ихъ своеобразномъ пониманіи формъ древне-римской архитектуры. Декорация играетъ здѣсь большую роль и полуколонки съ капителями, какъ бы подчеркиваютъ настоятельную необходимость свѣтовыхъ эффектовъ среди затѣйливыхъ скульптурныхъ массъ.

Съ другой стороны военные походы Андрея Боголюбскаго, Всеволода Ш и Юрія много способствовали сношенніямъ Руси съ Востокомъ. Недалеко отъ насъ была Болгарія, куда призывались индійскіе мастера и откуда между прочимъ вывозился камень для постройки суздальскихъ соборовъ. Здѣсь на Волгѣ находился городъ Булгаръ, главный торговый пунктъ для всего Востока, куда являлось много восточныхъ людей. Сюда стекались купцы изъ разныхъ странъ, продавали свои продукты или обмѣнивали ихъ на мѣстные товары. Помимо чисто азіатскаго «иранскаго», сказали бы мы, вліянія, на архитектурѣ Суздаля замѣтенъ сильный отпечатокъ Кавказа. Какъ известно, наши удѣльные князья были хорошо знакомы съ Кавказомъ, а сынъ Андрея Боголюбскаго Георгій былъ даже женатъ на грузинской царевнѣ. Поэтому ничего неѣтъ невѣроятнаго, что при постройкѣ суздальскихъ церквей изъ людей «туманного Востока» кроме азіатскихъ мастеровъ работали и армяне, тѣмъ болѣе, что лѣтопись повѣствуетъ о созывѣ для этой постройки «мастеровъ со всей земли».

Такимъ образомъ отголоски армянского искусства могли появиться въ Сузdalской землѣ съ юга и отразиться на орнамен-

тахъ. фронтонныхъ покрытияхъ и на общей стройности храмовъ. Однако кавказское влияние, очень замѣтное въ Киевской архитектурѣ начинаетъ сильно уменьшаться съ переводомъ стольнаго города изъ Киева во Владиміръ. Церкви приобрѣтаютъ теперь свою особенную архитектуру въ которой, преимущественно въ деталяхъ—есть много такого, что изстари существовало на русской почвѣ и что, наконецъ, составляло достояніе ея обитателей еще въ языческое время.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ типомъ Владиміро-Сузdalскихъ церквей XI—XIII вѣковъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ внутреннемъ убранствѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей до сихъ поръ еще сохранились остатки внутренней древней фресковой живописи. Подобныя украшенія церковныхъ стѣнъ повидимому было дѣломъ обыкновеннымъ. Живопись располагалась въ церкви не только на стѣнахъ, но и на невысокихъ иконостасахъ, которые и являлись одной изъ отличительныхъ особенностей храмовъ до-монгольского периода. Ранняя церковная живопись и иконы XI вѣка сопровождаются еще греческими надписями, смыняясь, по замѣчанію проф. А. Прахова, столѣтіемъ позже уже надписями русскими. Другой особенностью внутренняго устройства сузdalскихъ храмовъ явилось дѣленіе алтаря звумя каменными сплошными стѣнками на три части, при чмъ зъ стѣнкахъ были продѣланы низенькія дверцы. Что касается до украшенія и благолѣпія первыхъ церквей Владиміро-Сузdalскаго края, то изъ лѣтописей известно, что князья и епископы съ одинаковымъ рвениемъ и даже съ нѣкоторымъ соревнованіемъ стремились къ украшенію храмовъ. Городская и соборная церковь въ древней Руси служила мѣстомъ всѣхъ крупныхъ и общественныхъ собраній, центромъ добровольныхъ приношеній а потому и составляла справедливую гордость. Кромѣ того, чѣмъ богаче и великолѣпнѣе было внутреннее убранство соборнаго храма, тѣмъ это болѣе приносило чести и славы мѣстному владыкѣ. Не даромъ, вѣдь, первый Владимірскій епископъ Святой Симонъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу пишетъ: «Кто не знаетъ, что у меня грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ-краса всему городу!»..:

Суздальская иконопись и живопись.

«Красота спасетъ міръ».

Федоръ Достоевскій.

Въ Суздальской области, уже съ древнѣйшихъ временъ существовали школы съ высокой живописной культурой. Древнѣйшія работы первыхъ суздальскихъ иконописцевъ поражаютъ богатствомъ и силою красокъ, удивительно комбинировавшихъ съ монументальной живописью.

Самая древняя иконы оказываются самыми свѣтлыми и цвѣтными. Наша иконопись въ древности не умѣла существовать безъ радостной, сильно «поющѣй» краски. Иконописцы XIV—XVI вѣковъ любили алые и голубые цвѣта, любили свѣтлые и пастевые фоны, отливающіе какъ воскъ жемчужными переливами. Не даромъ вѣдь на языкѣ нашихъ иконописцевъ «свѣтъ» назывался самый фонъ иконы.

Если говорить о Суздальской иконописи, какъ одной изъ «провинціальныхъ» вѣтвей обширнаго русскаго иконописанія, то ея исторія въ до-монгольскій періодъ должна быть выдѣлена въ особую главу. Исходнымъ и конечнымъ пунктомъ суздальской иконописи, какъ и всюду является Византія. Изъ цѣлой плеяды мастеровъ-византійцевъ XIV вѣка выдѣляется здѣсь Феофанъ Гречинъ, свободомыслящій философъ, либералъ и новаторъ. До насъ не дошло прямыхъ указаний на пребываніе Феофана во Владимириѣ или Суздалѣ, зато знакомясь съ древнѣйшими иконами Суздаля и его соборовъ, приходится констатировать на суз达尔ской иконописи вліяніе этого изумительного изографа.

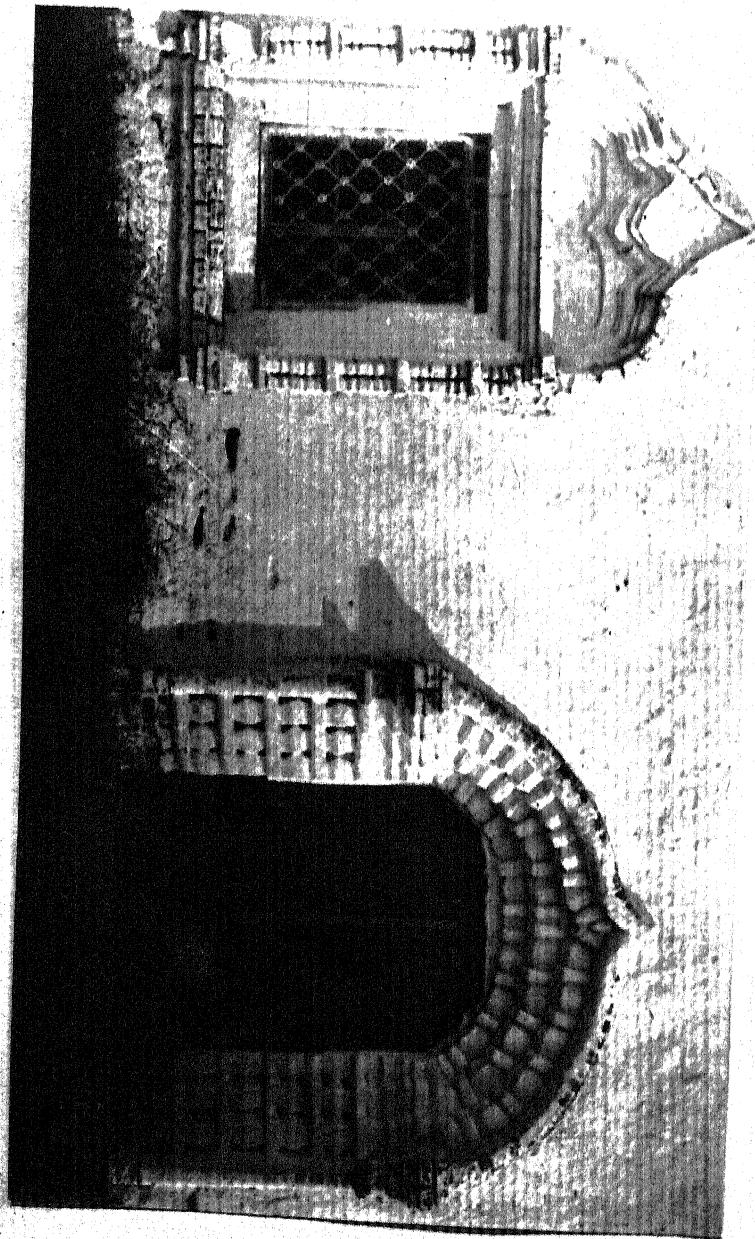
Уже тогда намѣчаются излюбленные цвѣта суздальской иконописи: красный, красновато-коричневый, желто-золотистый, и оливково-зеленый. Этими цвѣтами писалось въ иконѣ все главное. Полутона употреблялись для одеждъ и клались обычно сочно, оттѣня контуры и складки.

Техника иконописанія была связана съ извѣстными, никогда не нарушимыми традиціями. Иконописецъ вѣрилъ въ эти традиціи, боготворилъ ихъ. Въ своихъ иконахъ сиѣ выявляется все лучшее въ себѣ, всю свою душу.

Этотъ «аристократизмъ» русской души со всею силой отлился въ XV вѣкѣ въ моментъ появленія въ свѣтѣ лучшихъ произведений Андрея Рублева. Послѣдній рѣзко индивидуализировалъ типы лицъ, и XV вѣкъ русской иконописи далъ намъ полную возможность говорить о величественномъ образѣ русскаго Христа, преисполненнаго всепрощающей любовью или понять

Спасо-Преображенский соборъ въ Спасскомъ монастырѣ.

5

Ледниково (Поломенское) озеро. Панорама с юго-запада.

скорбную и милостивую Богородицу, отличную отъ италіанскихъ мадоннъ.

Андрей Рублевъ не чуждъ Владимірскому краю и Суздалю. Бѣ 1408 году Великій Князь Василій Дмитріевичъ приказалъ художнику совмѣстно съ Даніломъ Чернымъ приступить къ росписи соборной церкви Владимірской Богоматери. «Мая начата бысть, провѣствуетъ лѣтопись, подписывати великая и соборная церкви Пречистая Володимерьская повеленіемъ великаго князя Василія Дмитріевича; а мастера Данило иконникъ да Андрей Рублевъ.»

Особенность Рублевскаго письма передалась и сузdalскимъ иконамъ. Онъ, по словамъ Д. А. Ровинскаго «писаны легко и жидкъ безъ оживокъ и краски положены на нихъ тонкимъ слоемъ».

Прошло два вѣка. Былой законодатель въ области искусства, Новгородъ, долженъ былъ подъ давленіемъ политическихъ событий уступить въ этомъ отношеніи пальму первенства Москвѣ. Новгородская иконопись съ ея вліяніемъ на провинціальныя школы отжила свой вѣкъ. Суздалю было чему поучиться у Новгорода; взявъ въ основаніе своихъ композицій характерную особенность Новгорода—обилие сложныхъ иконныхъ сценъ догматико-аллегорического содержанія, сузdalцы показали себя мастерами различныхъ живописныхъ приемовъ, такъ или иначе, но связанныхъ съ Византіей временъ Палеологовъ. Игнорируя совершенно реализмъ, сузdalцы юкончательно закрѣпили иконописный стиль; въ этомъ ихъ огромная заслуга, съ которой подходятъ они къ московской школѣ.

Въ искусстве эпохи Ивана Грознаго слились два теченія: национально-православное, внесенное митрополитомъ Макаріемъ и царское, внесенное самимъ Грознымъ. Макарій, окруженный толпой писцовъ, миніатюристовъ и иконниковъ, стремился къ изображенію идей въ лицахъ и событияхъ. Грозный—къ орнаментальному апофеозу царской власти. «Грозный не создалъ художественной школы, но блестяще увѣковѣчилъ таковую»¹⁾.

Начиная съ этого времени иконопись теряетъ свой монументальный строго идеалистической стиля и обильно принимаетъ въ себя народныя и национальныя черты. Национальность эпохи Грознаго входитъ въ искусство съ сильнымъ привкусомъ Востока. Покореніе восточныхъ царствъ не могло не отразиться на всемъ укладѣ русской жизни. Горный пейзажъ превращается теперь въ русской живописи въ условный узоръ, эллинистиче-

1) В. Н. Щепкинъ Московская Иконопись, Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Часть II, стр. 237.

кія зданія смѣняются луковицами церквей и теремами. Прежаяя свобода и простота покидаютъ иконопись. Национализация мотивовъ и формъ сдѣлала то, что иконопись перестала быть искусствомъ для всѣхъ раздѣлившиесь на искусство для многихъ и искусство для немногихъ. На фонѣ этого общаго иаденія еще ярче выдѣляются иконы, писанныя тогда для немногихъ избранныхъ: сперва для именитыхъ людей Строгановыхъ, позже для московскихъ царей.

Экзотичность и великолѣпіе «царскихъ» письменъ не могли, конечно, не отразиться и на суздальской иконописи. На донедѣшихъ до насъ образцахъ ея мы видимъ, что типы иконъ примили общий характеръ, события получили эпическую обработку, а догматы церкви трактуются либо схематично, либо условно.

Наступилъ XVII вѣкъ, а съ нимъ блестящій періодъ расцвѣта русского искусства. Въ Оружейной Палатѣ—тогдашней академіи искусствъ, въ роси почти единодержавнаго хозяина сидѣлъ бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Человѣкъ съ большимъ вѣусомъ и художественнымъ чутьемъ, Хитрово въ то же время по духу былъ православнымъ человѣкомъ, глубоко почитавшимъ икону, вполнѣ сохранившимъ старые завѣты и не допускавшимъ въ дѣлѣ иконописанія никакого кощунства. Своимъ стараніемъ, своею сдержанностью и мягкостью Хитрово необычайно поднялъ дѣятельность Оружейной Палаты, вышелъ побѣдителемъ изъ серіознаго конфликта съ Никономъ, сумѣвъ создать ту красавицу и роскошную картицу, русского изящнаго иконописнаго искусства, которую мы имѣемъ отъ второй половины XVII вѣка.

Городовые иконописцы, вызываемые въ Москву для исполненія работъ по указанію Оружейной Палаты, несли тѣмъ самымъ государственные повинности. Правительство считало себя въ правѣ использовать для государственныхъ цѣлей каждый талантъ, каждое ремесло, искусство и знаніе. Характеръ самихъ вызововъ всегда былъ принудительный и ослушниковъ царскихъ указовъ ожидали строгія кары. Рядъ талантливыхъ работниковъ Палаты оставилъ послѣ себя художественное наслѣдіе выдающагося интереса.

Сузdalская иконопись и на этотъ разъ не могла не раздѣлить общей участіи русского искусства XVII вѣка.

Возвращаясь послѣ вызова въ Москву, въ Суздалъ иконописцы собирали юокругъ себя учениковъ и вотъ уже съ самаго начала XVII вѣка мы видимъ иконописцевъ изъ суздальскихъ посадскихъ людей. Въ описанныхъ книгахъ города Суздаля за 1617 годъ указаны дворъ и мѣсто Фомки-иконника и Мастюги-иконника. Лавка Офоньки Чуприна, по словамъ той же описи, «тор-

гуетъ образы». 1): Кромѣ посадскихъ людей въ Суздалѣ иконо-писью занимались и монастырскіе люди. Въ челобитьѣ царю отъ 1628 года чернаго крестоваго попа старца Лаврентія говорится, что при суздальскомъ архіерейскомъ домѣ иконописью занимались нѣкоторые изъ монашествующихъ при чёмъ самые искус-ные изъ нихъ посылались въ Шую для контроля и засвидѣтель-ствованія тамошней иконописи. Таکимъ иконописнымъ контролеромъ, между прочимъ, былъ старецъ Прокопій. Въ описанной книгѣ 1611 года крестьянъ суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря, торговавшихъ въ Суздалѣ подъ «номеромъ семнад-цатымъ», значится лавка Володьки Иконника, который «мѣня-етъ иконы». Въ Николо-Шартомскомъ монастырѣ иконописцемъ въ то время былъ монахъ Іоакимъ. Икона Богоматери его пись-ма была привезена въ суздальскую Воскресенскую церковь въ 1625 году и, находясь здѣсь, въ настоящее время считается ха-рактернымъ образцомъ иконописи XVII вѣка.

Въ суздальскомъ соборѣ Рождества Богородицы въ придѣ-лѣ Святителей Федора и Іоанна находятся пять иконъ работы знаменитаго Симона Ушакова.: Св. Софії—Премудрости Божьей, Похвалы Пресвятой Богородицы, Входа Господня въ Йерусалимъ, Покрова Пресвятыя Богородицы и Неопалимая Купины. Къ со-жалѣнію работы Ушакова въ Суздальскомъ соборѣ очень невы-годно размѣщены на второмъ правомъ и первомъ лѣвомъ стол-бахъ храма. Ихъ не хватаетъ свѣта, отчего темныя сами по себѣ онѣ не производятъ должнаго впечатлѣнія.

Драгоцѣнныя даныя для исторіи Суздальской Иконописи XVII вѣка находятся въ Богородице-Рождественскомъ Соборѣ и Ризположенской церкви. На южной паперти послѣдней по пра-вой руку отъ входной двери помѣщена большая икона Распятія съ Предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. Эта икона является коллективной работой двухъ суздальскихъ ико-ноописцевъ конца XVII вѣка Іонинова и Бабухина, надпись на ней гласить: «188 (1680) году писалъ распятье Господне Кузьма Яковлевъ Бабухинъ Суздалецъ; Богородиціи образъ и Бого-слова Іоанна писалъ зографъ.....ей Іониновъ».

Сравнивая икону по манерѣ письма съ датированными па-мятниками аконописанія, современными ей, напримѣръ съ ико-нами иконостаса Покровскаго монастыря въ Суздалѣ, писанными въ 1686 году Артемиемъ Картуңцомъ, Іоанномъ Рефуситскимъ, Флоромъ Луховляниномъ и другими прямыми учениками напра-вленія школы Ушакова въ художественномъ отношеніи, мы должны

1) Ежегодникъ Владімірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 1875. Стр. 261—264.

признать, что техника иконописанія въ то время стояла на должной высотѣ и иконописцы Іониновъ и Бабухинъ ни въ чёмъ не уступали лучшимъ мастерамъ школы царскихъ иконописцевъ конца XVII вѣка. Тѣ черты благотворного вліянія западнаго искусства, которыя такъ привлекательны въ произведеніяхъ кисти Симона Ушакова и его учениковъ, всѣ онѣ на лицо и въ этой иконѣ. Правильность рисунка, знаніе анатоміи, естественность выраженія лицъ, умѣлое пользованіе свѣтотѣнью и перспективой. Но, къ сожалѣнію, слѣдованіе древнимъ иконописнымъ подлинникамъ, характеризующее иконы мастеровъ царской школы, здѣсь уже уступаетъ мѣсто рабскому подражанію западному образцу не только въ естественности выраженія лицъ, и позахъ, но даже въ самомъ колоритѣ и рисункѣ. По манерѣ писанія, колориту, и композиції сюжета икона эта является буквальнымъ подражаніемъ западному рисунку. Въ раздѣлѣ волосъ, глазъ и вообще ликовъ, въ особенности всего тѣла распятаго Спасителя и даже «доличнаго» у Бабухина уже ничего не осталось стараго, иконописнаго. Напротивъ, у Іонинова въ его изображеній Богоматери и Иоанна и ихъ типахъ сохранилось много иконааго; здѣсь уже чувствуется слѣдованіе иконописному подлиннику. «Палатное письмо» (Градъ Єрусалимъ) и вообще пейзажъ трактованы въ стилѣ западныхъ мастеровъ. Типъ распятаго Христа не русскій, скорѣе даже напоминающій Христа Перуджино или Гольбейна.

Такимъ образомъ эта икона наглядно показываетъ, какъ быстро въ провинціальную иконопись проникло западное вліяніе и какъ скоро суздальскіе иконописцы усвоили себѣ технику западныхъ мастеровъ, наводняя иконами, написанными по западнымъ образцамъ сначала городскія, а затѣмъ и сельскія лавки въ Руси. Тѣмъ же Бабухинымъ первостатейнымъ кормовымъ иконописцемъ, въ слѣдующемъ году написанъ находящійся въ Ефросиниевскомъ придѣлѣ образъ Господа Вседержителя съ изображеніемъ 12 Святыхъ.

Сузdalская иконопись процвѣтаетъ и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Корифеями тогдашней иконописи могутъ быть названы Илья Артемовъ Купріяновъ, діаконъ Иоаннъ Федоровъ Родіновъ, Михаилъ Дмитріевъ, Михаилъ Лукьянцовъ сынъ Поповъ, Горшковъ и другие.

Илья Купріяновъ, какъ художникъ-иконописецъ, ждетъ еще своего изслѣдователя, откроющаго, безъ сомнѣнія, въ Купріяновѣ талантъ, по силѣ и экспрессіи едва ли уступающій самому Ушакову.

Въ Суздалѣ находится не сколько работъ Купріянова. Не прошло, однако, и пятидесяти лѣтъ послѣ смерти Іонинова и Ба-

6

Богородице-Рождественский соборъ.

7

Икона Симона Ушакова, въ Богородице-Рождественскомъ соборѣ.

бухина, какъ въ лучшихъ сузальскихъ церквяхъ начинаютъ пребладать иконы, писанныя непосредственно по католическимъ образцамъ, заимствованнымъ или изъ Польши, или вывезеннымъ изъ за границы въ видѣ гравюръ и кунштовъ. Купріяновъ явился провозвѣстникомъ нового иконописного направлѣнія, превосходно выраженнаго въ двухъ его иконахъ «Распятіе» Воскресенской церкви и «Знаменіе Божьей Матери» церкви Знаменія въ Суздалѣ.

Не долго просуществовала школа Купріянова. Сузальская иконопись захирѣла, постепенно стала падать; все меньше и меньше слышно о сузальскихъ иконописцахъ и къ концу XVIII вѣка иконопись, какъ мощная отрасль народнаго искусства, наводнявшаго своими произведеніями и бѣдный и богатый домъ, прекратилась здѣсь совершенно, перейдя въ села Холуй, Мстеру и Палехъ.

Какъ и когда началась иконопись въ этихъ селахъ сказать трудно. По мнѣнію А. И. Успенскаго, Холуй имѣлъ большую связь съ Суздалемъ съ самаго начала XVII вѣка въ періодъ блестящаго разцвѣта сузальской иконописи. Въ 1613 году слобода Холуй была пожертвована князю Д. М. Пожарскому и имъ, какъ видно изъ актовъ впослѣдствіи была отказана Спасо-Евфимьевскому монастырю на поминъ его родителей. По сузальскимъ писцовымъ книгамъ 1634 года иконописцами Холуя значатся: Лаврушка Ивановъ, прозвищемъ Пучилко-иконникъ и Гришка Игнатьевъ. Ихъ можно принять за первыхъ холуяновъ-иконописцевъ, такъ какъ во второй половинѣ XVII вѣка иконописное художество становится уже здѣсь наслѣдственнымъ занятіемъ.

Съ XVII вѣка появляются также и ходебщики или оfeni, не безъ успѣха продающіе «расхожія» иконы по различнымъ городамъ и селамъ. «Вездѣ по деревнямъ и селамъ прасолы и щепетинники иконы крошиями тоскаютъ, а писаны онѣ таково ругательно, что оныя походять не на человѣческія образы, а на дикихъ людей. Шуяне, Холуяне и Палешане на торжкахъ продаютъ ихъ и развозятъ по деревнямъ....И обманывая простой народъ, щепетинники говорятъ, что будто бы отъ доброписанія спасенія не бываетъ».

Однако среди многообразія дешевыхъ, доступныхъ по цѣнѣ и небрежно написанныхъ иконъ, поставляемыхъ вязниковскими селами интересно отмѣтить строго опредѣленные и разъ на всегда установленные сюжеты; таковы, напримѣръ, алегорическое изображеніе моря и Йордана. Первое трактовалось всегда въ видѣ бѣгущей женщины съ распущенными волосами и сосудомъ въ лѣвой протянутой рукѣ. Йорданъ изображался обычно въ видѣ человѣка-рыбы рядомъ съ единорогомъ.

Въ заключеніи этого краткаго очерка сузальской иконопи-

си остановимся на разсмотрѣніи живописи портретной, живописи «парсунного письма», какъ говорили встарь.

Кромѣ портрета ижинки Соломоніи, первой супруги великаго князя Василія III, въ сузdalскомъ Покровскомъ монастырѣ, о которомъ вскорѣ упоминаетъ А. П. Новицкій ¹⁾, въ Суздалѣ хранятся нѣсколько примѣчательныхъ образцовъ парсунного письма, molto чѣсто свидѣтельствующихъ о высотѣ этой техники во Владимірскомъ краю.

Хорошіе живописцы были при архіерейскомъ домѣ преосвященнаго Илларіона, митрополита сузdalскаго, родственника и друга царскаго изографа Ушакова. Находящійся надъ гробницей Святителя въ сузdalскомъ соборѣ портретъ его, писанный незадолго до смерти Илларіона, изображаетъ митрополита въ архіерейскомъ облаченіи, митрѣ, съ дикиріемъ и трикиріемъ въ вытянутыхъ рукахъ. Нѣсколько суровое лицо Илларіона, обрамленное бородой смягчено общей торжественностью всей композиціи. Технически портретъ исполненъ безукоризненно: въ немъ есть и несомнѣнное сходство съ оригиналомъ, сила и экспрессія. Однако въ немъ нѣтъ глубины, отсутствіе которой скращиваетъ манерную иконность.

Гораздо интереснѣе—третій памятникъ парсунного письма въ Суздалѣ—портретъ царицы Евдокіи Лопухиной въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ.

Портретъ этотъ, находящійся въ настоящее время въ келіи казначеи монастыря, писанъ на полотнѣ масляными красками, натянутъ на деревянный подрамникъ и вставленъ въ позднѣйшую золоченую раму за стекломъ. Вырѣзанная ножкомъ надпись на обратной сторонѣ подрамника «царица Евдокея» судя по характеру буквъ, болѣе поздняго происхожденія. Самый портретъ, изображающій царицу Евдокію, представляетъ довольно красивую, набѣленную и нарумяненную молодую женщину съ большими глазами, густыми бровями, красивымъ ртомъ, и характернымъ носомъ. Одѣта она въ темное, нѣсколько вырѣзанное у шеи платье, закрытое на мѣстѣ вырѣза тюлевымъ ожерельемъ. На головѣ царицы черная шолковая кика, ввидѣ небольшой шапочки, прикрывающей гладко причесанныя, темно каштановыя волосы, сверху кики накинутъ тюлевый, ниспадающій до самыхъ плечъ, изящно вышитый убрусецъ. Платье, кокетливаго польского, а не русскаго покрова, сшито изъ темно зеленаго «тижолаго» бархата. Въ ушахъ царицы серги съ двумя изумрудами.

Что касается до времени написанія портрета, то таковой су-

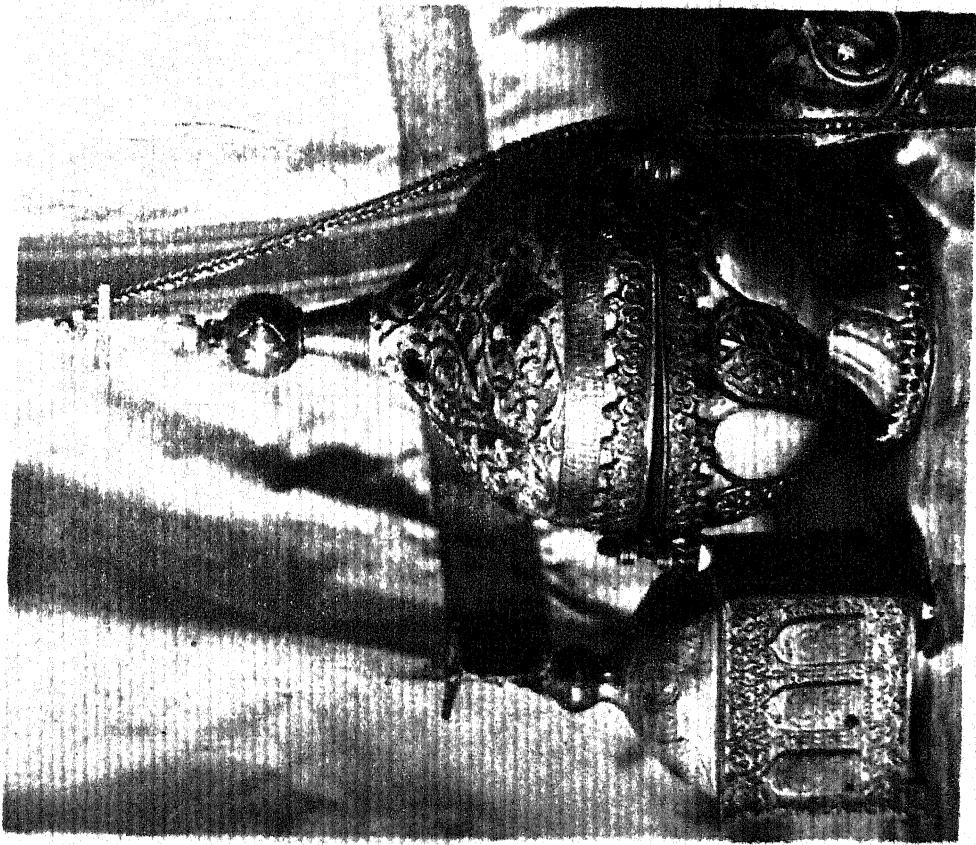
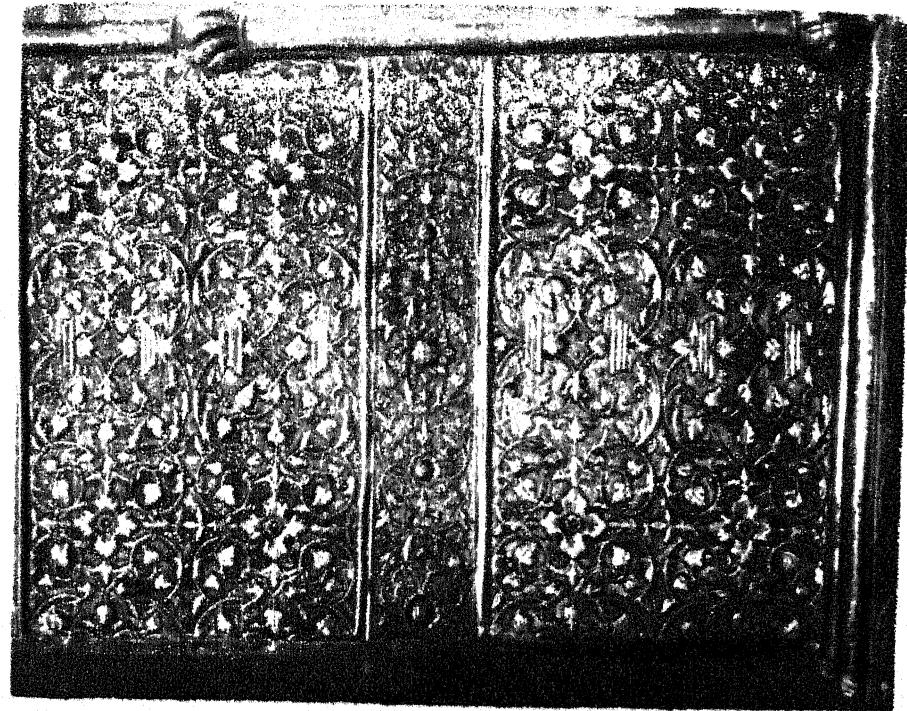
¹⁾ А. П. Новицкій. „Парсунное письмо въ Московской Руси.“ Старые годы 1909 г. Стр. 395.

Спасо-Евфимьевомъ
монастырь.

Деталь киота 1590 года въ Спасо-Евфимьевомъ

Спасо Евфимьевъ монастырь.

Ладоница 1568 года въ Кадила 1589 года

дя по нѣкоторымъ даннымъ мозгъ быть нарисованъ незадолго до ссылки царицы въ Сузdalъ, когда Евдокія съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Петра изъ за границы, надѣясь вернуть къ себѣ его охладѣвшее сердце. Этимъ можно объяснить пожалуй и кокетливость наряда царицы. Однако всего вѣроятнѣе портретъ относится къ 1707—1710 годамъ, когда развѣнчанная царица сбросила съ себя монашеское платье и увлеклась майоромъ Глѣбовымъ. Евдокія въ это время было около 37 лѣтъ. Естественно, что желая понравиться избраннику своего сердца, она очень заботилась о своей красотѣ и нарядахъ.

Помѣщенные во многихъ изданіяхъ снимки съ портрета, къ сожалѣнію, не могутъ передать впечатлѣнія подлинника. Въ снимкахъ утратилась живость выраженія лица, удавшаяся въ значительной степени живописцу, и, благодаря фотографіи, выступили такія подробности, которыя въ подлинникѣ не замѣтны.

БОРИСОГЛѢБСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ СЕЛЬ КИДЕКШЪ.

Село Кидекша, бывшее по преданію загороднымъ мѣсто-пребываніемъ князей суздальскихъ, расположено на крутомъ берегу рѣки Нерли. Среди села на возвышенномъ мѣстѣ находится церковь во имя Бориса и Глѣба, построенная изъ бѣлаго камня великимъ княземъ Юриемъ Долгорукимъ въ 1152 году. «Того же лѣта (1152). повѣствуетъ лѣтопись, Юрий Владимировичъ изъ суздальской земли созда на Нерли церковь во имя мучениковъ Бориса и Глѣба». Церковь сооружена на томъ самомъ мѣстѣ, где по传说ію лѣтописца былъ сборный пунктъ князей во время ихъ путешествія въ Киевъ. Такимъ образомъ по времени своего построенія Борисоглѣбская церковь относится къ самому начальному періоду суздальской архитектуры, подходя по своему плану и основному устройству къ типу суздальскихъ церквей XII вѣка. Она квадратная съ четырьмя столбами внутри и тремя алтарными полукуружьями снаружи. Почти вся исторія Россіи прошла надъ куполомъ Борисоглѣбской церкви. Рядъ передѣлокъ сильно исказилъ ея вицѣній видъ: измѣнились старые, узкія и длинныя окна; покрытіе съ подводного сдѣлано на четыре ската; шлемообразная голова приняла видъ луковичної. Теперь трудно судить о наружныхъ украшеніяхъ церкви въ ея первоначальномъ видѣ. Жалкіе остатки ихъ говорятъ о минувшемъ. былыхъ невзгодахъ, мотчаливо дожидаясь новыхъ временъ, новыхъ настроеній.

Порталы Борисоглѣбской церкви состоять изъ простого полукруглого вверху архивольта, совсѣмъ нѣть рельефныхъ украшений на стѣнахъ. Но характерный для Владиміро-Сузdalьскихъ церквей поясокъ по срединѣ наружныхъ стѣнъ строенія налицо. Онъ состоять изъ отлива, изъ поставленныхъ угломъ кирпичей (сухарчатый поясъ) и изъ дутгообразныхъ перемычекъ. Были ли подъ этими перемычками обычныя сузdalьскимъ церквамъ болѣе поздняго времени колонки,—ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Колонками украшенъ здѣсь лишь барабанъ купола.

Церковь села Кидекши кромѣ своей древности замѣчательна и по велиокняжескимъ гробницамъ, въ ней находящимся. Одна изъ такихъ гробницъ каменная находится на правой сторонѣ церкви въ стѣнѣ задняго угла съ надписью: «Въ лѣто 6667 (1159) маія 12 дня представися Благовѣрный Великій Князь Борисъ Георгіевичъ Сужdalьскій, сынъ Благовѣрнаго Великаго Князя Георгія Владиміровича Мономаха-Долгорукаго, братъ же Благовѣрнаго Великаго Князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго».

На лѣвой сторонѣ Борисоглѣбской церкви въ стѣнѣ же находится могила жены князя Бориса Георгіевича Маріи, скончавшейся судя по надписи 15 апрѣля 1161 года. Здѣсь же погребена и дочь велиокняжеской четы Евфросинія. Среди церкви ближе къ гробницѣ князя Бориса Георгіевича въ уровень съ поломъ имѣется плита съ надписью: «Лѣта 7114 (1606) августа 18 дня представися рабъ Божій князь и старецъ Исаія Петровъ, на память Св. мученикъ Флора и Лавра». По письменнымъ документамъ сузdalьской консисторіи извѣстно, что въ 1675 году сузdalьскій воевода Тимофей Петровичъ доносилъ Пр. Стефану, архиепископу Сузdalьскому и Юрьевокому, что онъ вмѣстѣ съ архимадритомъ сузdalьскаго Спасо-Евфиміева монастыря Тимофеемъ, ключаремъ Діонисиемъ и казначеемъ старцемъ Іосифомъ осматривалъ гробницу великаго князя Бориса Георгіевича, «и въ той гробницѣ лежать мощи, кости цѣлы, а на мошахъ одежда бѣлою тафтою покрыта, а на верху лежитъ невѣдома какая одежда шитая золотомъ, будто бы по байберету, на ней же вышить золотомъ орелъ пластаной одноглавой и отъ того орла пошло на двое шито золотомъ же и серебромъ узорами еще знать». Архиепископъ Стефанъ въ томъ же 1675 году доносилъ объ этомъ царю Алексѣю Михайловичу, а потомъ неоднократно и Феодору Алексѣевичу, при чемъ, между прочимъ, писалъ: «что надъ гробницами княжескими панихидъ никогда не бываетъ....мощи Велик. Князя Бориса Георгіевича Сузdalьскаго въ забвении, безъ свидѣтельства, и память его безъ воспоминанія, такожъ и гробъ его по достоинству никакихъ украшений

не имѣетъ». Какое послѣдовало рѣшеніе царя на это предста-
теніе, неизвѣстно. Существуетъ мѣстное преданіе, что внизу подъ
церковными сводами была устроена княжеская усыпальница, ку-
да по предположенію графа А. С. Уварова, долженъ быть по-
земный ходъ. Въ 1851 году графъ пытался открыть этотъ ходъ,
но безуспѣшно въ виду нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ обсто-
ятельствъ. Такимъ образомъ вопросъ о склепѣ подъ Борисоглѣб-
скимъ храмомъ и о подземномъ ходѣ туда, до сихъ поръ оста-
ется неразрѣшеннымъ.

Немного достопримѣчательностей и красы протекшихъ вре-
мени, сохранились до нашихъ дней въ Борисоглѣбской церкви.
Отмѣтимъ стильное Евангеліе старинной печати 1649 года съ та-
кой надписью: «Лѣта 7157 мѣсяца декабря въ 29 день состроена
книга Евангеліе напрестольное въ церковь къ великимъ страсто-
терпцамъ Христовымъ Борису и Глѣбу и Архидіакону Стефану
при архимандритѣ Германѣ и при строитель черномъ священни-
кѣ Еуфиміѣ»: На каменной колокольнѣ находится древній не-
большой вѣсомъ въ 30 пудовъ колоколь; на немъ надпись: «Въ
лѣто 7066 (1558) здѣланъ сей колоколь при царѣ Государѣ Ве-
ликомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руссіи и Макаріи митро-
политѣ. Царь Государь далъ сей колоколь въ домъ Вознесенія
Господа нашего въ Печерскій монастырь при архимандритѣ Іо-
акимѣ въ Новгородѣ Нижній». Когда и по какому поводу этотъ
колоколь изъ Печерского монастыря попалъ въ Кидекшанскій—
неизвѣстно. Устное преданіе говоритъ, что царь Иванъ Василь-
евичъ Грѣзный, проходя черезъ Кидекшу съ войскомъ подъ Ка-
зань и нуждаясь въ свинцѣ для снарядовъ, снялъ съ Кидекшан-
скаго монастыря свинцовую кровлю, а впослѣдствіи, взамѣнъ ея
между другими вкладами изъ Печерского монастыря, къ кото-
рому тогда былъ приписанъ Кидекшанскій, приказалъ передать
и этотъ колоколь, слитый изъ ливонскихъ орудій.

Богородице-Рождественскій Соборъ.

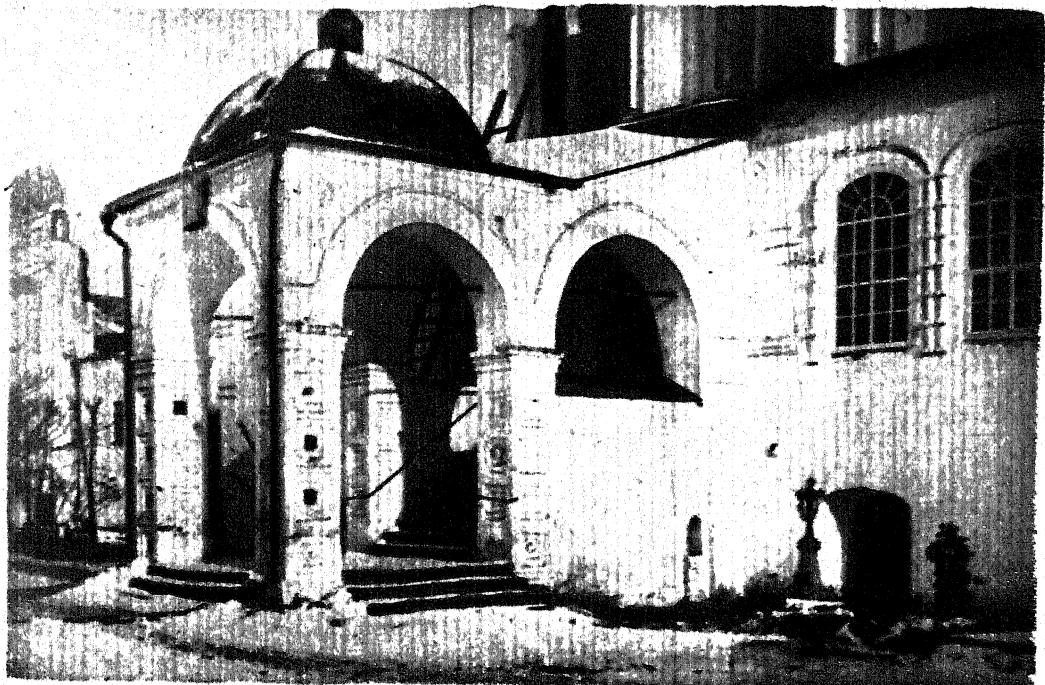
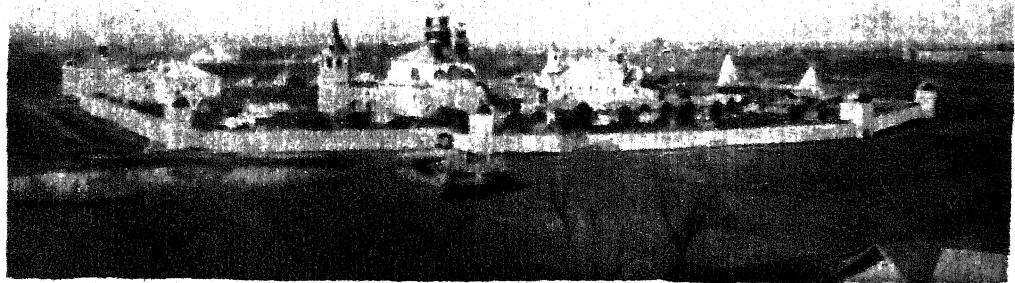
Слѣдующимъ по времени послѣ Борисоглѣбской церкви
памятникомъ суздальской церковной старины является соборный
храмъ въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, расположенный
въ самомъ центрѣ Суздаля—его Кремлѣ. Строитель собора
для воплощенія своей идеи не безъ основанія выбралъ именно
это мѣсто, такъ какъ помимо красоты суздальского Кремля, мѣ-
сто это въ древности было центромъ общенія городскихъ обы-

вателей. Здѣсь объявлялась княжеская воля, происходилъ судъ; здѣсь отдыхалъ мозгъ, а въ храмахъ успокаивалась душа.

Бывшій долгое время каѳедрой суздальскихъ іерарховъ, Богородице-Рождественскій Соборъ выросъ изъ небольшої каменной церкви построенной еще Владиміромъ Мономахомъ. Вмѣсто этого храма Великій Князь Юрій Всеvolодовичъ въ 1222 году заложилъ новый бѣлокаменный храмъ.

«Въ лѣто 6730, повѣстуетъ лѣтопись, Великій Князь Георгій (Юрій) заложи церковь каменную Святыя Богородицы въ Суждали... Разобравъ старое зданіе, понежѣ уча бѣ рушиться страстью и верхъ ея впалъ бѣ». Богато украшенный храмъ черезъ полгода былъ «подписанъ и измощенъ мраморомъ краснымъ, разноличнымъ». Тогда же епископъ Митрофанъ поставилъ надъ трапезой киворій, украшенный серебромъ и золотомъ. Вскорѣ татарское нашествіе и другія неблагопріятныя событія постѣдующаго времени привели къ тому, что этотъ храмъ не только были лишенъ большей части своихъ украшений, но даже началь разрушаться и грозить паденiemъ. Только черезъ триста лѣтъ въ 1528 году Геннадій, епискомъ суздальскій получилъ отъ великаго князя Василія Ивановича дозвolenіе и пособіе на перестройку соборной церкви. Храмъ былъ разобранъ сверху почти на двѣ трети и на старыхъ стѣнахъ изъ бѣлаго камня были надстроены новыя стѣны. Построенный соборъ сильно отличался отъ прежняго. Теперь своды собора были укрѣплены на шести столбахъ; прежняя три церковныхъ главы смѣнились пятью и были покрыты оловомъ; крыша приняла видъ четырехскатной. При постройкѣ первого собора Юрій за образецъ взялъ характерные владимірскіе соборы. Еще и теперь при детальномъзнакомствѣ съ архитектурой Богородице-Рождественскаго Собора, бросаются въ глаза типичные признаки церковной архитектуры XII—XIII вѣковъ. Вся нижняя часть собора выложена изъ бѣлаго камня, стѣны украшены аркадами въ видѣ пояса, богато декорированного орнаментальной рѣзьбой; по пилистрямъ арочнаго пояса сохранились отдѣльныя плиты съ высѣченными на нихъ женскими головами и фигурами львами; порталы по тягамъ арокъ, а также по концамъ покрыты разводами и узорами, высѣченными изъ камня и содержащими внутри фигурки звѣрей, птицъ, фантастическихъ животныхъ и мотивы орнаментальнаго характера.

25 марта 1577 года въ Суздалѣ произошлоъ большой пожаръ, отъ котораго сильно пострадалъ и соборъ, возстановленный потомъ суздальскимъ епископомъ Варлаамомъ I. Впрочемъ бѣ возобновленномъ видѣ соборъ стоялъ очень не долго. Вначалѣ XVII вѣка онъ былъ ограбленъ буйною толпою поляковъ.

Покровский женский монастырь.

Западное крыльце Покровского монастыря.

и литовцамъ, занявшихъ Сузdalъ подъ предводительствомъ Лисовскаго. Соборъ стоять опустошеннымъ болѣе полугода, пока городъ не былъ очищенъ отъ непріятеля. Въ 1635—1636 году суздальскій архіепископъ Серапіонъ привелъ по повелѣнію Михаила Федоровича обезображеній и разграбленный поляками соборъ въ прежнее положеніе, украсивъ внутренность его лучшимъ въ то время живописнымъ художествомъ. Кромѣ того Серапіонъ соорудилъ близъ собора каменную шатровую колокольню. Въ концѣ XVII вѣка суздальскій митрополитъ съ разрешеніемъ царя Феодора Алексѣевича произвелъ реставрацію собора, снять надгробные камни, стѣснявшіе соборъ, уничтожилъ хоры, занявши головину верха и вмѣсто узкихъ оконъ построилъ большія, такъ что въ соборѣ стало просторно и свѣтло. Тотъ же митрополитъ Илларіонъ устроилъ въ соборѣ новый иконостасъ, выгодно размѣстивъ въ немъ иконы. Возобновленный соборъ былъ богато снабженъ церковной утварью, отличался величественностью и блестѣль внутреннимъ убранствомъ. Заканчивая описание Илларіонова собора суздальскій лѣтописецъ замѣчаетъ: «Содѣла ту церковь весьма прекрасну и пресвѣтлу и пространну, которая нынѣ паче многихъ перво-престольныхъ архіерейскихъ соборныхъ церквей красотой и благолѣпіемъ преизобиловати можетъ». Къ сожалѣнію эта счастливая эпоха въ исторіи собора была непродолжительна. Грандіозный пожаръ 1719 года уничтожилъ суздальскія церкви и дома обывателей. Пострадалъ и соборъ. Крыши и главы сдѣланы изъ олова растопились и верхній ярусъ въ соборѣ обрушился. Въ пламени погибло много драгоцѣнностей церковной ризницы, княжескихъ и царскихъ вкладовъ. Тогда же сгорѣлъ «безъ остатку» и бывшій изстари въ соборѣ балдахинъ съ двухглавымъ орломъ на верху, устроенный надъ каменнымъ «государевымъ» мѣстомъ. Окончательно соборъ былъ возобновленъ епископомъ Порфириемъ; вмѣсто прежнихъ деревянныхъ крышъ онъ на колокольнѣ и соборѣ устроилъ желѣзныя, большую соборную главу покрылъ краснымъ листовымъ зоотомъ, исправилъ стѣнную живопись внутри собора и возобновилъ каменную ограду.

Сузdalский соборъ по своему теперешнему виду сильно напоминаетъ Успенскій Соборъ въ Москвѣ, по своимъ же основнымъ чертамъ и нѣкоторымъ деталямъ въ украшеніяхъ онъ вполнѣ подходитъ подъ типъ древнихъ Владимира-Сузdalскихъ церквей. Планъ собора византійскій съ шестью столбами и тремя абсидами. Пилястры по вертикальному направлению дѣлятъ стѣны на четыре фаса, заканчивающихся сверху полукруглыми арками. Древній характеръ храма сохранился превосходно.

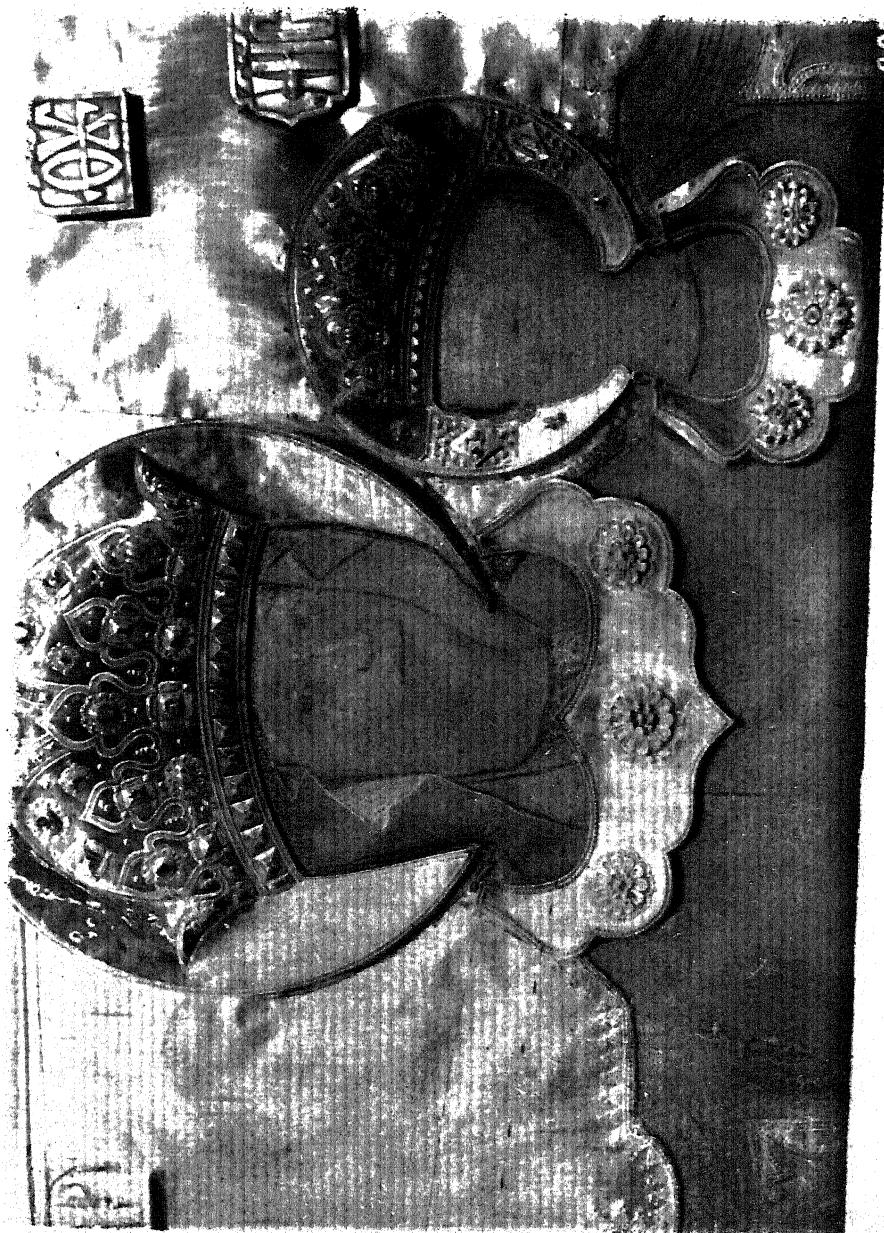
При входѣ въ соборъ первое, что бросается въ глаза—это

плоскій безъ всякой рѣзьбы величественный иконостасъ съ знаменитыми иконами Симона Ушакова. Иконы держатся пазами и только внизу иконостаса подъ мѣстными образами имѣются тумбы рѣзной работы.

Въ соборѣ особеннѣе вниманіе обращаютъ на себя западныя и южныя входныя двери. Извѣстныя подъ именемъ «корсунскіхъ». Двери представляютъ собою замѣчательный памятникъ древне-русскаго искусства XIII вѣка и по мнѣнію академика Н. П. Кондакова поставлены можетъ быть самимъ строителемъ собора княземъ Юриемъ. Онъ двухстворчатыя, колоссальныхъ размѣровъ, состоять изъ массивныхъ досокъ, снаружи обитыхъ желѣзомъ, а изнутри мѣдными листами, образующими на каждой двери 28 квадратныхъ пластинокъ или «тѣбель» украшеныхъ живописью. Каждое тяблѣ со всѣхъ сторонъ обрамлено продольными и поперечными валиками, орнаментированными наѣчкою. Насѣчка образуетъ разводы со вписаными въ нихъ пальметками обычнаго византійскаго типа. На среднемъ валикѣ размѣщены разводы и погрудное изображеніе святыхъ въ медальонахъ. Рисунокъ выполненъ золотой насѣчкой по красной мѣди, отъ времени принявшей цвѣтъ темной бронзы. Сюжеты сопровождаются славянскими надписями уставомъ прекраснаго письма; гдѣ рисунокъ не достигаетъ низа, тамъ подъ нимъ орнаментальная полоски.

Западныя двери покрыты 24 сценами Новаго Завѣта въ стѣнющемъ порядкѣ: вверху въ четырехъ поляхъ представлены: вѣтхозавѣтная Троица или три отрока въ гостяхъ у Авраама и погрудное изображеніе Иисуса Христа Вседержителя въ медальонѣ, окруженному четырьмя евангельскими ликами; въ двухъ угловыхъ тяблахъ по сторонамъ—херувимъ и серафимъ, спавящий Спаса и тріединаго Творца. Далѣе слѣдуютъ по надписи «Зачатіе», гдѣ Іоакимъ и Анна представлены обнимающимися на площади среди зданій, потомъ Рождество Богородицы, Введеніе во Храмъ, Благовѣщеніе. Въ третьемъ ряду находятся Рождество Христово, Срѣтеніе Господне, Крещеніе и Преображеніе. Въ Крещеніи имѣется любопытная деталь—рядомъ съ Христомъ въ рѣкѣ стоитъ высокая колонка на камennомъ пьедесталѣ, увенчанная крестомъ; ниже представлено воскрешеніе Лазаря, Входъ Господень въ Іерусалимъ, Распятіе съ предстоящими Іоанномъ и Маріей, но безъ головы Адамовой подъ крестомъ. Интересно исполнено «Явленіе Ангела женамъ мироносицамъ у входа въ гробъ», при чёмъ гробъ трактованъ не въ духѣ обычнаго античнаго мавзолея, а ввидѣ пещеры въ низкой скалѣ. Слѣдуетъ отмѣтить рѣдкую сцену «Святая Богородица несутъ тѣло ко гробу»—четыре ангела несутъ ложе съ умершой и въ это время

Икона Богоматери въ Спасо-Евфимиевокъ монастырь.

5

сиятельный съ неба ангель отрубаеть Ананію, шедшему сзади, руки. Въ послѣднемъ ряду заслуживаютъ вниманія: «Положеніе Честныя Ризы» и «Успеніе Пресвятыя Богородицы». Первая изъ названныхъ композицій обнаруживаетъ въ художникѣ большого фантазіста, а во второй неестественность позы Богоматери какъ бы искупается багатствомъ и яркостью красокъ. Въ сценѣ «Положенія пояса Богородицы» интересно задумано Вознесеніе Божьей Матери, несомой на небо двумя ангелами въ миндалевидномъ ореолѣ. Послѣдняя сцена озаглавлена Покровъ Святыя Богородицы и является древнѣйшимъ толкованіемъ распространенной темы: въ небѣ виденъ благословляющій Спаситель, а подъ нимъ большее покрывало, какъ бы по волѣ Бога спускающееся съ неба. Подъ этимъ покрываломъ съ воздѣтыми руками стоитъ Богоматерь, а по сторонамъ ея четыре Ангела въ живомъ событѣданіи.

Въ самомъ низу въ пышныхъ разводахъ представлены бывшіе львы и грифы; орнаментальный верхъ образуютъ пары драконовъ или василисковъ.

Медальоны средняго валика содержать изображенія Святыхъ: Феодора, Иоанна, Митрофана и др.

На Южныхъ дверяхъ начиня съ углового тябла лѣвой створки и идя по семи горизонтальнымъ поясамъ во главѣ ряда ветхозавѣтныхъ сценъ мы встрѣтимъ: Св. Троицу, ввидѣ трехъ ангеловъ съ прислуживающимъ Авраамомъ, затѣмъ Архангела Михаила въ ореолѣ, повѣргающаго сатану въ земный нѣдра. Надпись здѣсь поясняетъ событие: «Сверженъ бысть сатана Архангеломъ Михаиломъ со отступными его силами и быси наречены быша». На правой створкѣ въ томъ же ряду читаемъ по надписи: «Сотвори Богъ человѣка по образу своему и подобию и душу въ лице его духъ животенъ и бысть человѣкъ въ душу жиру». Богъ изображенъ здѣсь въ образѣ второго лица Св. Троицы, или Бога Слова и Спасителя, иначе говоря въ историческомъ типѣ Богочеловѣка; Адамъ не лежитъ на землѣ какъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, но стоитъ какъ статуя, на которую походитъ, кстати сказать и бѣлымъ цвѣтомъ не оживотвореннаго еще тѣла. Далѣе въ изображеніи «Ангель Господень изгоняетъ Адама и Еву изъ Рая» представлено, какъ Ангелъ толкаетъ нехотно идущихъ нашихъ прародителей; сзади Ангела запечатанная дверь. Въ слѣдующемъ поясѣ помѣщена извѣстная сцена обработки земли мотыгою и прядущей Евы съ такой надписью: «Отъ Архистратига Михаила научаемъ Адамъ ральцемъ землю копая потомъ съ трудомъ питается осужденъ бысть». Авелъ приносить даръ Богу—новорожденного Агнѣца—въ небѣ видна благославляющая десница.

Не безъ претензіи на извѣстную эрудицію задумана сцена «Адамъ нарицаєтъ имена звѣрямъ», помѣщенная въ томъ же ряду. Сзади сидящаго Адама стоитъ окруженная различными звѣрями Ева. Здѣсь левъ, олень, волъ, единорогъ и драконъ. Въ третьемъ поясѣ «Видѣніе Яковомъ таинственной лѣстницы» съ изображеніемъ Господа ввидѣ символической десницы въ небѣ. Единоборство Ангела Божія съ Іаковомъ происходитъ среди изящнаго горнаго пейзажа.

Тябла четвертаго ряда не представляютъ изъ себя чего либо выдающагося. Здѣсь обычна разработка евангельскихъ, весьма носредственно исполненныхъ темъ. Тябла эти позднѣйшаго происхожденія и подъ рипидой архангела или фигурой Авраама скрыты вѣроятно другія, болѣе лучшія раннія изображенія. Въ пятомъ ряду идетъ буквальная передача разсказа о потопленіи ангеломъ городовъ Содома и Гоморры.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ иконахъ Рождественскаго Собора и вспомнимъ XVII вѣкъ и его значеніе въ исторіи русской иконописанія. Большое впечатлѣніе оставляетъ икона Господа Вседержителя на тронѣ, держащаго Евангеліе, раскрытое на словахъ: «Аще кто слово мое соблюдетъ живъ будетъ во вѣкъ». Интересны отдѣльные психологическіе моменты превосходной иконы Ветхозавѣтной Троицы, помѣщенной передъ ракой первого суздальскаго епископа Святителя Ioanna, скончавшагося здѣсь въ 1023 году. Въ сѣверо-западномъ углу собора передъ гробницей митрополита Илларіона поставленъ современный портретъ его въ ростъ въ томъ самомъ златотравчатомъ саккосѣ, который былъ пожертвованъ ему царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ, весьма любившимъ и уважавшимъ добродѣтельнаго митрополита. Проста и изящна по своей композиціи икона Ioакима и Анны въ моленіи передъ Богомъ-Саваоѳомъ, среди фигуръ здѣсь между прочимъ нарисовано Рождество Пресвятая Богородицы.

Въ алтарѣ приදѣла Феодора и Ioanna взоръ отдыхаетъ на иконѣ Знаменія, гдѣ Богоматерь окружена символами и евангелистами. Къ сожалѣнію икона испорчена позднѣйшей реставраціей. Внизу иконы рядъ кровавыхъ эпизодовъ изъ исторіи борьбы Суздаля и Новгорода.. Хорошо изучилъ это памятное событие 25 февраля 1169 года анонимный художникъ. Усвоенное имъ въ разсказѣ или рисунѣ «чудо» оставило на немъ неизгладимый следъ. Онъ воплотилъ его въ иконѣ Знаменіе, удивительно передавъ слезы на очахъ заступницы. Положенія бѣгущихъ въ разсыпанную суздальцевъ естественны и реальны, но лучше переданы новгородцы, изумленные слезами Богоматери.

Съ точки зренія церковной археологіи интересенъ еще об-

разъ Нерукотвореннаго Спаса, писанный на полотнѣ и принесенный по преданію суздальскимъ просвѣтителемъ изъ Греція въ 990 году. Гордость Богородице-Рождественского собора, образъ этотъ ежегодно стягиваетъ къ себѣ не одну тысячу богоольцовъ; съ чисто технической иконописной точки зре́нія заслуживають вниманія четыре такъ называемыхъ «Корсунскихъ» иконы, превосходнаго греческаго письма. Чудотворная Смоленская икона Пресвятой Богородицы интересна скорѣе со стороны богатства ризы, каменьевъ и жемчуга, которыми она буквально усыпана.

Изъ другихъ предметовъ церковной древности суздальскаго собора обратимъ вниманіе на два Евангелія, колоссальнаго исторического и художественнаго интереса изъ которыхъ одно по преданію пожаловано царевной Софьеи Алексѣевной, а другое ея братомъ Феодоромъ. Послѣднее является частью большого «вклада на поминъ» 1677 года, внесенного судя по надписи вмѣстѣ съ кадиломъ, архиерейской шапкой и церковной утварью «повелѣніемъ отца своего блаженной памяти Великаго Государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича».

Евангеліе царевны Софии Алексѣевны, находящееся въ главномъ алтарѣ собора по вѣнчаному своему виду представляеть большой томъ, размѣромъ 23½ на 17¾ вершковъ. Верхняя доска Евангелія массивная серебряная, задняя малиноваго бархата съ серебрянымъ крестомъ по срединѣ. На верхней доскѣ вырѣзана надпись: «Единородный сынъ и Слово Божіе, иже отъ отца прежде вѣкъ рожденный и нашего ради спасенія въ послѣднія лѣта отъ Приснодѣвы Маріи изволи плоть пріяти». Центральный круглый медальонъ верхней крышки занять изображеніемъ Деисуса Господа вседержителя на престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ рукахъ. По сторонамъ Спасителя Богоматерь и Иоаннъ Предтеча со свиткомъ. На заднемъ фонѣ композиціи и изображеніе городъ. Въ кругахъ фигуры 12 апостоловъ, выше изображеніе Св. Духа; въ самомъ верху въ облакахъ Господь-Саваофъ, окруженный небесными силами. Внизу крышки изображеніе 70 апостоловъ.

На задней сторонѣ переплета на крестѣ внизу подписи Афанасія Трухменскаго и Андрея Бланкостина.

Съ именемъ Андрея Кашперова Бланкостина по мнѣнію В. И. Троицкаго ¹⁾, связано представление о гениальномъ иноzemцѣ, мастерѣ золотого и серебренного дѣла, которому поручались всевозможныя отвѣтственные чеканныя работы. Что ка-

¹⁾ „Словарь художниковъ золотого и серебрянного дѣла XVII вѣка при московскомъ Патриаршемъ Дворѣ”—Москва, 1914 г. Стр. 9 и слѣд.

сается до Афанасія Трухменского, то послѣдній, какъ и Симеонъ Ушаковъ состоялъ на царской службѣ и считался лучшимъ «знаменщикомъ» или граверомъ XVII вѣка. Его рѣзецъ былъ необыкновенно тонокъ и красивъ; гравюры его правда не безъ западнаго вліянія уже въ значительной степени освобождены отъ традиціоннаго однообразія.

Можно сказать, что по каллиграфіи и етдѣлкѣ рисунковъ Евангеліе Софії Алексѣевны составляеть вѣнецъ искусства XVII вѣка. Миніатюры Евангелія жизненны, просты и доступны пониманію каждого, а удивительно стильныя рамки и заставки обнаруживаютъ недюжинный талантъ художника.

Евангеліе царевны Софії послужило А. И. Успенскому предметомъ особаго изслѣдованія, часть которого уже опубликована въ его труде «Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка». Евангеліе написано красивымъ полууставомъ въ два столбца на александрийской бумагѣ. На первомъ листѣ евангелія представлень 12-лѣтній Іисусъ въ храмѣ. Превосходная миніатюра блещетъ многими достоинствами чисто графического характера. Знаниемъ глубокой техники дышитъ причудливый орнаментъ въ духѣ барокко; тонкія, едва замѣтныя спирали двухъ колоннъ миніатюры чередуются съ листьями аканта и различными стилизованными арабесками. Особенно красивъ нижній орнаментъ миніатюры, темей для которого послужила фантастическая птица Востока. На фонѣ этого несложнаго сюжета художникъ создалъ цѣлую симфонію: рогъ птицы енъ обратилъ въ завитокъ, брошенный въ массовыхъ изгибахъ арабески. Верхній орнаментъ по своему характеру является полной противоположностью нижнему. Если послѣдній основанъ исключительно на фантастикѣ и чисто восточной экзотикѣ, то первый поражаетъ своей исключительной простотой. Въ отдѣльныхъ завиткахъ его видно чисто христіанское смиреніе; благополучно разрѣшаются здѣсь иѣкоторая запутанность и нагроможденіе деталей; растительные мотивы верхняго орнамента взяты въ контрастъ живописнымъ мотивамъ нижняго. Общий ансамблъ и яркость красокъ дополняютъ цѣльность впечатлѣнія, заставляя долго любоваться превосходной миніатюрой.

На оборотѣ листа—евангеліе отъ Иоанна глава VII.

Далѣе идетъ символъ евангелиста Матея—Ангель съ Евангеліемъ, раскрытымъ на словахъ: «Книга родства Іисуса Христа, сына Давида, сына Авраамля». Внизу надпись: «Лице человѣче прознаменуемъ, яко писаніе о вочеловѣченіи Христа, сына Божія». Потрясаетъ наблюдателя миніатюра съ изображеніемъ символа евангелиста Марка съ евангеліемъ въ лапахъ. Это крылатый левъ въ нимбѣ съ богато выраженной мускулатурой и прекрасно вы-

Ризница Спасо-Евфимієва монастиря.

раженнымъ человѣческимъ лицомъ. Строгое выраженіе лица и глазъ нѣсколько смягчено. Левъ застылъ въ своей позѣ; онъ терпѣливъ и на рисункѣ воплощенъ скорѣе для кроткаго уѣщеванія грѣшниковъ, чѣмъ для устрашенія пустыни. Символъ евангелиста Луки-крылатый олень съ женоподобнымъ торсомъ и пояснительной надписью внизу задуманъ въ иномъ стилѣ. Уступая, пожалуй, по силѣ и экспрессіи символу евангелиста Марка, крылатый олень задуманъ въ духѣ первого «благо-вѣстительства» Луки и подкупаетъ именно своею простотою. Умные глаза животнаго устремлены въ землю; какъ вкопанный стоитъ олень, держа евангеліе на вытянутой лапѣ. По представленію художника евангелистъ Маркъ олицетворяетъ собой силу и мощь, евангелистъ Лука, напротивъ, идеальную кротость и смиренія.

Простой и скромный снаружи и нѣсколько мрачный внутри, Богоявленско-Рождественскій Соборъ является церковно-археологическимъ музеемъ въполномъ смыслѣ этого слова. Шедевры суздальской иконописи «классического» периода чередуются здѣсь съ великолѣпными вышивками золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями. Тончайшія работы по золоту и серебру въ свою очередь мелькаютъ на фонѣ старинныхъ облаченій и тканей. Превосходныя работы безвѣстныхъ художниковъ и художницъ переносятъ насъ въ міръ прошлаго, міръ покоя, чуждый суетности и тщеславія. Красивый отолосокъ далекой эпохи, предметы церковной старины служатъ живыми памятниками минувшаго, которому никогда, никогда не суждено болѣе вернуться!

Еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ воспоминаніяхъ минувшаго некрополь Богоявленско-Рождественского Собора. Не одинъ десятокъ лицъ нашли себѣ вѣчный покой подъ сводами древняго храма. На первый листъ синодика погребенныхъ здѣсь крупными буквами вписано имя благовѣрнаго князя Святослава Юрьевича, скончавшагося 11 января 1174 года; слѣдующія страницы синодика заняты отдѣльными представителями древнихъ родовъ князей Суздальскихъ, Ногтевыхъ, Горбатовыхъ, Кистыхъ, Бѣльскихъ и Скопинскихъ. Кроме нихъ здѣсь погребены суздальские архіепископы и митрополиты съ Арсеніемъ Элассонскимъ и архіепископомъ Илларіономъ во главѣ. Особое, ничемъ не выражаемое чувство охватываетъ каждого проходящаго мимо этихъ могиль. Вотъ высокая, сухая фигура Арсенія-Грека, получившаго извѣстность въ смутное время. Высокообразованный и прямолинейный по характеру, Арсеній заставилъ первого самозванца повиниться и на духу открыться ему во всемъ. Вотъ «собиратель» Сузыля и его молитвенникъ—архіепископъ Серапионъ.

піонъ; вотъ, наконецъ, гробинца первого суздальского митрополита Илларіона съ большимъ, уже знакомымъ намъ его портретомъ.

Таковъ въ обиціхъ чертахъ Богородице-Рождественскій Соборъ. Невольное очарование и чувство молитвенного экстаза сильно захватываютъ въ ясный лѣтній день, при закатѣ солнца, когда заходящіе лучи его золотятъ иконостасъ, переливаясь тысячи разноцвѣтныхъ огней на вышивкахъ, пеленахъ и драгоценныхъ камняхъ. Отдыхаетъ душа и только гулкіе, торопливые шаги запоздалаго богомольца способны вырвать васъ изъ міра волшебныхъ грезъ и вернуть къ дѣйствительности.

Ризположенскій монастырь.

Среди суздальскихъ монастырей до монгольской эпохи Ризположенскій женскій монастырь, поэтично раскинувшійся въ самомъ людномъ мѣстѣ современного Суздаля—близъ Кремля и рѣчки Каменки заслуживаетъ самаго обстоятельного изученія.

Мѣстность, гдѣ расположены монастырь въ древности считалась посадской, находясь въ городскихъ укрѣпленій, насыпныхъ валовъ, стѣнъ и башенъ. Теперь стѣнъ уже нѣть; раскопана и застроена большая часть валовъ; въ числѣ другихъ уничтоженъ и валъ, на которомъ нѣкогда стоялъ суздальскій «коледный» острогъ. Время основанія монастыря съ точностью определить невозможно. По сказанію соборнаго ключаря Ананіи Федорова, монастырь былъ основанъ въ 6715 (1207) году и широкую известность пріобрѣлъ во время подвижничества здѣсь преподобной Евфросиніи, дочери замученнаго въ ордѣ князя Михаила Черниговскаго.

Преподобная Евфросинія, въ міру Іеодулія, родилась въ 1212 году и была старшей въ семье. Біографъ Евфросиніи, инокъ Григорій передаетъ ходившую въ монастырѣ легенду объ ея рожденіи. По этой легендинѣ рожденіе Евфросиніи было испрошено молитвами родителей и предсказано имъ заранѣе. Пятидцати лѣтнюю Евфросинію обручили съ потомкомъ варяжскаго князя Шимона, Миною, который владѣлъ недвижимостью въ Суздалѣ и жилъ здѣсь. Во время поѣздки обученной невѣсты въ Сузdalъ, ея женихъ внезапно скончался; смерть любимаго человѣка въ корыѣ перевернула жизнь молодой княжны. Она навсегда осталась въ Суздалѣ и, посвятивъ себя иноческой жизни, постриглась въ Ризположенскомъ монастырѣ подъ именемъ Евфросиніи.

Здесь молодая инокиня проводить всю жизнь въ подвигахъ, постѣ и молитвѣ и не будучи никогда игуменьей, заводить въ монастырѣ «устрой и благочиніе». Тотъ же Григорій утверждаетъ, что молитвы Евфросиніи спасли монастырь отъ татарского разоренія 1238 года. Скончалась Евфросинія въ 1258 году и была погребена въ монастырскомъ храмѣ.

13 августа 1769 года отъ «купецкихъ домовъ» въ Суздалѣ вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго пострадала значительная часть города; загорѣлся и Ризположенский монастырь, въ которомъ все деревянныя постройки выгорѣли «безъ остатку». Пожаръ, уничтожившій много монастырскаго имущества, былъ такъ силенъ, что мѣдные колоколы на колокольнѣ растопились, а мощи Св. Евфросиніи едва были вынесены изъ сферы огня и погребены въ приходской церкви праведнаго Лазаря ¹⁾.

Соборный храмъ Ризположенского монастыря во имя Положенія Ризы Пресвятой Богородицы во Влахернѣ, судя по архитектурнымъ особенностямъ его и некоторымъ историческимъ даннымъ, построено во второй половинѣ XVI вѣка. Храмъ однотажный, имѣетъ квадратную форму съ тремя абсидами и вертикальнымъ дѣленіемъ наружныхъ стѣнъ пиластрами на фасадѣ. Три главы храма луковичной формы на высокихъ трибунахъ и желѣзная четырехскатная кровля обратили на себя вниманіе знатока русскаго зодчества академика В. В. Суслова. Послѣдний, изслѣдуя вопросъ кто были строителями Ризположенской церкви, полагалъ, что она была построена новгородскими мастерами ²⁾. Писцовая книга Суздаля 1617 года ясно говорить, однако, что строителями соборной Ризположенской церкви явились сузальскіе уроженцы.

Чтобы покончить съ наружнымъ видомъ храма, остановимся еще на описаніи паперти, съ трехъ сторонъ окружающей церковь. Она построена въ 1688 году сузальскими мастерами Мамінимъ, Шмаковымъ и меньшимъ Грязновымъ «съ товарищи». Замѣчательно, что съверная и южная часть паперти лишена всякихъ украшеній—двери той и другой стороны простыя; два окна съ каждой стороны лишены наличниковъ и карнизовъ. Зато западная часть паперти являеть цѣлый рядъ превосходныхъ украшеній, свойственныхъ русскому зодчеству второй половины XVII вѣка. Дверь западной паперти представляеть собой роскошный порталъ изъ пяти паръ тонкихъ полуколонокъ, укра-

1) Гр. М. В. Толстой, „Путевые письма изъ древней сузальской области“. Москва, 1869 года. Стр. 52.

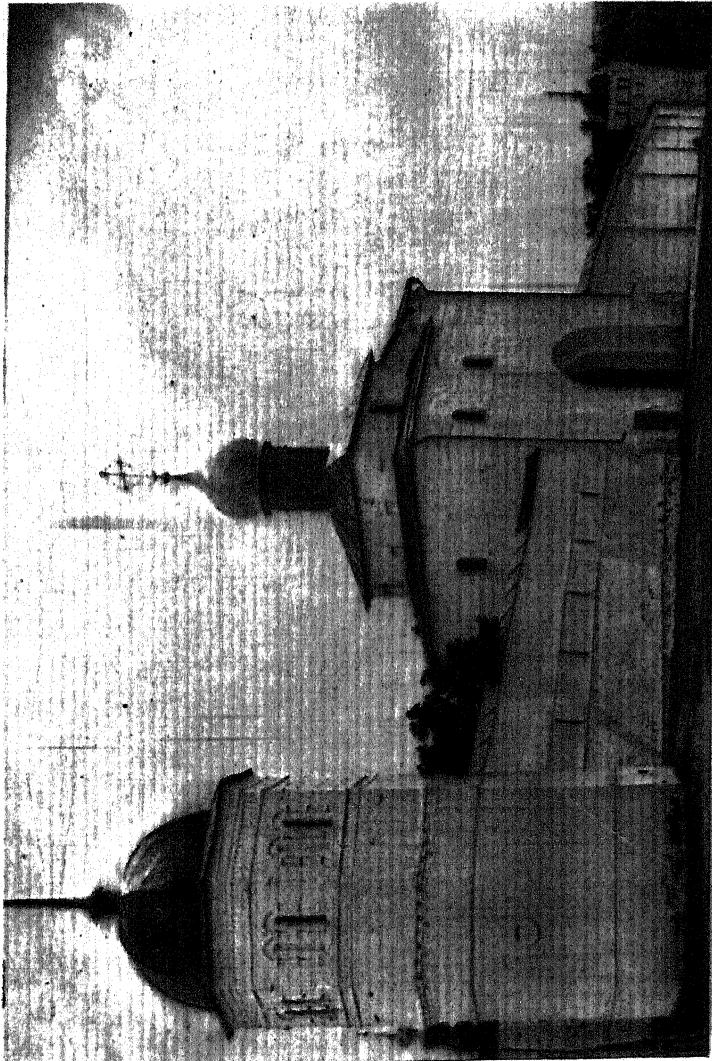
2) В. В. Сусловъ „Материалы къ исторіи Новгородско-Псковской архитектуры“ стр. 19.

шемыхъ бусами, жгутиками и кубариками. Неправильной формы арки очень красивы и оригинальны. Очень характерно намѣренное уклоненіе отъ правильной формы полукруглой арки, свойственное древне-русскимъ строителямъ. Живая и свободная линія избавляетъ рисунокъ отъ сухости деталей и умѣлое примѣненіе въ строительномъ творчествѣ составляетъ особый вкусъ древне-русского художника.

Строитель собора много поработалъ надъ украшеніемъ двухъ оконъ по сторонамъ входныхъ дверей, украшеныхъ бородатыми наличниками, напоминающими рѣзное деревянное дѣло. Верхній карнизъ кирпичными перемычками раздѣленъ на шесть квадратовъ со вставленными въ нихъ разноцвѣтными изразцами прекрасной работы. Узоры изразцовъ являются чисто русскіе мотивы; они наведены различными красками желтой, зеленої и коричневой прямо на бѣлой поливѣ или въ смѣси съ нею, такъ что глина совсѣмъ не видна подъ краской; рисунокъ орнаментныхъ травъ, цвѣтовъ и кувшиновъ русской формы ярокъ, блестящъ и нѣсколько выщукль. Наличникъ по обѣимъ сторонамъ окна состоитъ изъ тѣхъ же висячихъ полукомонокъ, украшеныхъ ромбиками, жгутиками, бусами съ висячей гирькой по концамъ. Пространство между окнами и дверями выполнено изящными ширинками,--особыми архитектурными мотивами, состоящими изъ двухъ одинъ надъ другимъ расположенныхъ квадратовъ съ впадинами, заполненными цвѣтными изразцами. Надъ квадратами тянется карнизъ съ кокошникомъ.

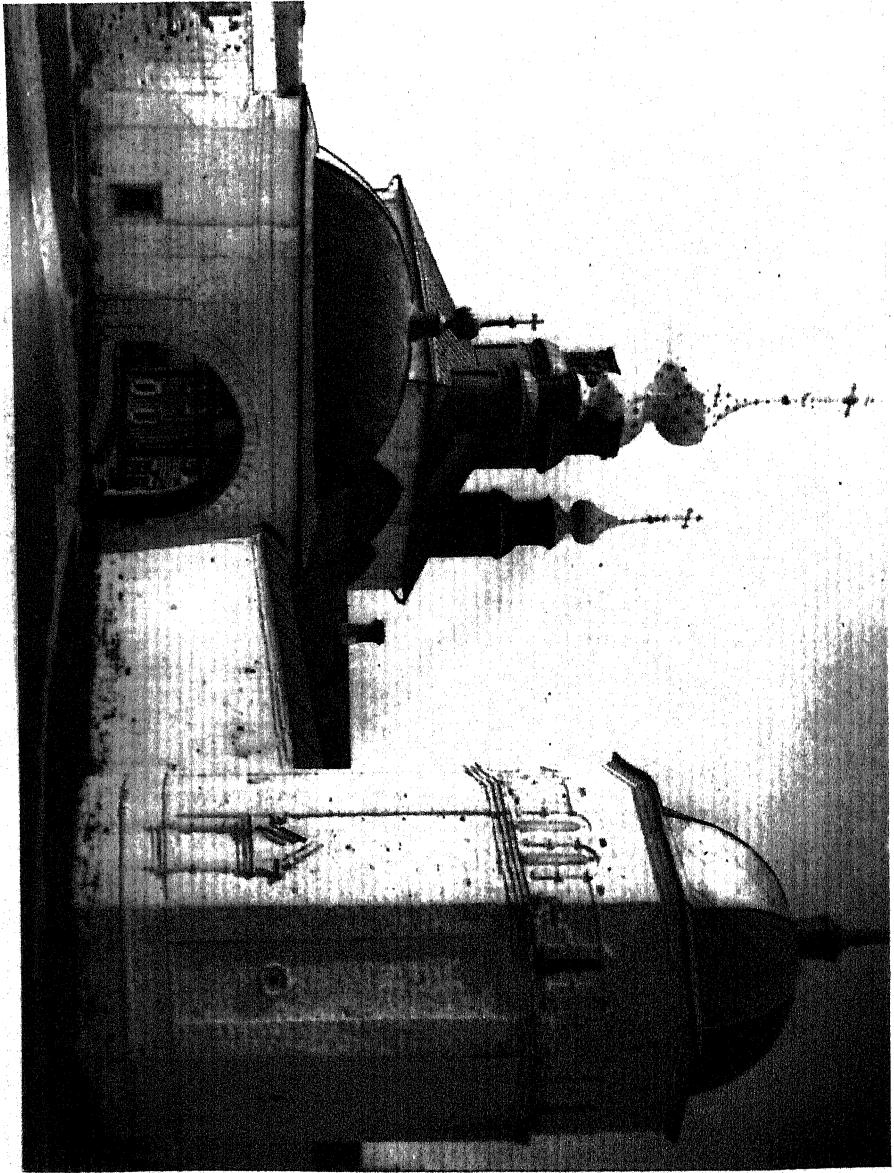
Къ сожалѣнію въ Ризположенской церкви время и пожары уничтожили все древнее и иконостасъ и иконы. Нынѣшній иконостасъ посредственной работы, тяжелъ и не представляеть изъ себя ничего стольнаго. Иконы первого яруса писаны не раньше второй половины XVIII вѣка, нѣсколько разъ подновлялись и исправлялись. Въ южной паперти по правую сторону отъ входной двери сохранился очень цѣнный для историка суздальского иконописанія образъ Распятія съ Предстоящими, работы Бабушина и Юнинова. Другой интересной иконой, правда съверной части паперти, является образъ Иоанна Предтечи, ввидѣ крылатаго Ангела, по типу своему принадлежащей къ такъ называемымъ «греческимъ письмамъ» изъ старого иконописнаго деисуса.

Другая интересная церковь монастыря—Троицкая—построена въ самомъ концѣ XVII вѣка, являясь типичными образцомъ русскаго зодчества того времени. Архитектора и специалисты-археологи до послѣднихъ дней не обращали на Троицкую цер-

Ворота и башни Покровского женского монастыря.

Ворота и башня Покровского женского монастыря.

9

кось никакого вниманія, между тѣмъ какъ въ своеи планѣ, конструкціи и въ особенности въ орнаментациї фасадовъ она представляетъ много интереснаго и оригинальнаго. Изящество и чувство мѣры въ украшеніяхъ смѣшиваются здѣсь съ самобытнымъ замысломъ и большимъ художественнымъ чутьемъ.

Фасадъ двухъэтажной церкви несложенъ и простъ; невысокія галлереи и шатровая колокольня удивительно гармонируютъ съ вѣшнимъ видомъ храма, зато богатѣйшая орнаментация изъ лекальнаго кирпича и разноцвѣтныхъ изразцовъ искупаетъ скромность церковнаго фасада. Главный корпусъ церкви интересенъ своими окнами съ фигурными наличниками и карнизами, причудливымъ поясомъ поверхъ оконъ и наконецъ полуциркульными кокошниками. Квадратныя ширинки и орнаменты галлереи также говорятъ объ особенностяхъ древне-русской архитектуры.

Не мало оригинальнаго представляютъ и церковныя главы. Въ своеи основаніи онѣ представляютъ восьмигранникъ, завершающійся восемью треугольными фронтонами. Небольшія главки луковичной формы, составляющія переходную ступень къ шатровымъ покрытиямъ увѣнчаны крестомъ. Ими древне-русскій зодчій удачно соединилъ двѣ разнородныхъ формы кубическую и шатровую; благодаря имъ стоящая рядомъ шатровая колокольня сливается съ кубической церковью въ одно стройное цѣлое.

Колокольня состоитъ изъ двухъ частей: нижней—четырехъ угольника на столбахъ и верхней—восьмигранника съ шатровымъ перекрытиемъ и тремя ярусами слуховыхъ оконъ. Наружній фасадъ нижней части колокольни по угламъ стянутъ тройными полуколонками съ традиціонными ширинками. Верхній восьмитраній шатерь колокольни имѣть восемь пролетовъ, полуциркульныя арки которыхъ опираются на тройныя полуколонны. Шапка шатра увѣнчана небольшой главкой луковичной формы съ желѣзнымъ крестомъ.

Окна Троицкой церкви двоякой формы и судя по украшеніямъ вполнѣ сходны съ деревянными рѣзными окнами русскихъ построекъ XVII вѣка. Порталь, ведущій въ церковь, состоитъ изъ пяти стянутыхъ арками полуколонокъ, унизанныхъ бусинками, баласинами, жгутами и т. д.

Сравнивая Троицкую церковь съ современными ей памятниками церковнаго зодчества можно видѣть, что по характеру и обилію фасадныхъ украшеній Троицкая церковь сильно напоминаетъ церкви Ростова, Ярославля или Москвы. Возникаетъ вопросъ какимъ мастерамъ обязана Троицкая церковь своимъ происхожденiemъ и что въ ней самобытнаго, суздальскаго? Архив-

ные данные къ сожалѣнію не могутъ дать прямого отвѣта на этотъ вопросъ, а церковная лѣтопись опредѣляетъ лишь время ея постройки—1700 годъ, называя строителями ея сузальскихъ благотворителей братьевъ Лихониныхъ.

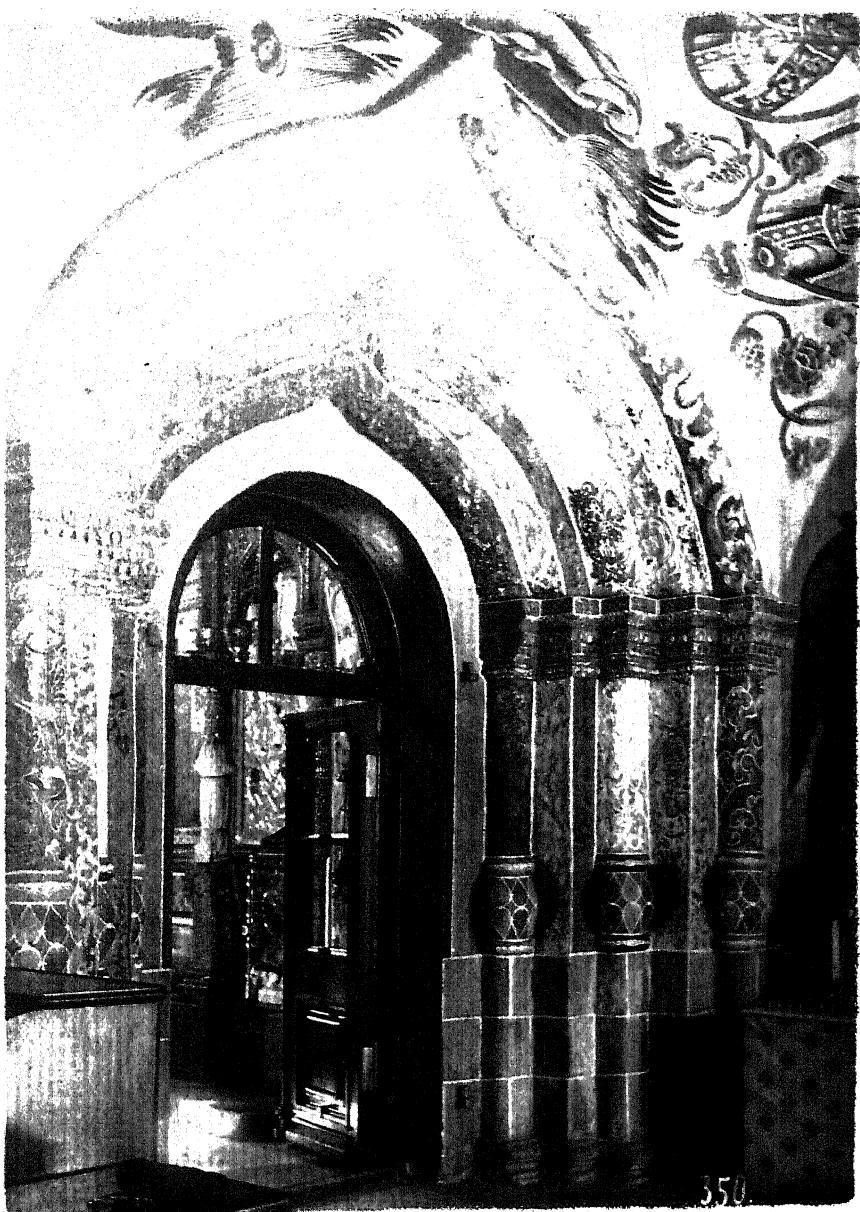
То же подтверждается и намогильными плитами Василія и Анфисы Лихониныхъ на кладбищѣ Троицкой церкви. По мнѣнію В. Т. Георгіевскаго строителями Троицкой церкви и колокольни при ней можно считать сузальскихъ посадскихъ людей Шмакова, Мамина и Грязного, строившихъ, какъ мы видѣли, входныя двери Ризположенскаго монастыря.

Внутреннее устройство Троицкой церкви переносить насъ ко второй половинѣ XVIII вѣка. Здѣсь интересна большая икона Страшнаго Суда, находящаяся на паперти около входныхъ дверей. Она представляетъ собой рѣдкій памятникъ сузальскаго иконописнаго искусства, датированный надписью: «Писанъ сей образъ 1780 года. Писалъ Петръ Горшковъ». Огромная около 3 аршинъ въ длину икона заключаетъ въ себѣ полный переводъ сюжета Страшнаго Суда Божія, какъ онъ сложился къ концу XVIII вѣка съ изображеніемъ мытарствъ и различныхъ мученій грѣшниковъ за разные грѣхи.

Каменная ограда, опоясывающая Ризположенскій и Троицкій монастыри, построена въ разное время. По даннымъ сузальской писцовой книги 1628 года ограда вначалѣ была деревянной, и была замѣнена затѣмъ «срѣ приходу» т.-е. съ южной стороны каменной стѣной, работы Мамина и Шмакова.

Самымъ замѣчательнымъ сооруженіемъ древней монастырской ограды являются Святыя Ворота съ двумя шатровыми башнями въ южной монастырской стѣнѣ. Время постройки этихъ воротъ относится къ періоду строительной дѣятельности Мамина и Шмакова съ товарищами. По архитектурѣ, общей композиціи и отдѣльнымъ деталямъ сооруженія, академикъ Сусловъ относить постройку Святыхъ воротъ къ послѣднимъ годамъ XVII столѣтія. Одной изъ характерныхъ деталей прошлого времени, онь, между прочимъ, считаетъ два перекрытыхъ коробовыми сводами проѣзда подъ воротами. Помѣщеніе надъ сводами завершается двумя шатровыми башнями съ луковичными главками и крестами на длинныхъ шейкахъ.

Декоративное убранство наружнаго фасада Святыхъ Воротъ выдержано въ духѣ орнаментациіи Троицкой колокольни. Верхній карнизъ подъ крышей украшенъ «сухариками» (зубцами) и широкимъ поясомъ квадратныхъ ширинокъ. Низъ башни съ двумя проѣздами большимъ и малымъ цѣликомъ, очевидно, взять съ

Спасо-Преображенский соборъ. Южная дверь.

7

башни Спасо-Евфимьевского монастыря, ея верхушка, по мнѣнію В. Т. Георгіевскаго считающаяся необычнымъ явленіемъ въ исто-рии Суздальской архитектуры, можетъ быть сопоставлена съ башней Московскихъ Воскресенскихъ воротъ.

Башни монастырской ограды построены въ разное время и часть ихъ въ настоящее время уже уничтожена.

Характернымъ показателемъ времени постройки каменныхъ зданій Ризположенскаго и Троицкаго монастырей являются цветные изразцы, украшающіе фасады этихъ зданій.

Почти всѣ изразцы фасадовъ монастырскихъ зданій имѣютъ одинаковый характеръ. Большинство изъ нихъ зеленаго цвета съ выпуклыми украшениями рудожелтыхъ, синихъ, пурпурныхъ, лимонныхъ и тѣлесныхъ цветовъ. Рисунокъ изразцовъ пред-ставляетъ или законченный видъ или цѣлый узоръ ввидѣ щитовъ съ разводами или травами, цветами или наконецъ ягодками.

Въ самомъ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія цветные изразцы вытесняются изразцами гладкими, однотонными, безъ узоровъ. Травные орнаменты, заимствованные изъ русской деревянной рѣзьбы, уступаютъ мѣсто живописи; на кафляхъ появляются отдѣльныя фигуры людей, птицъ, звѣрей и даже цветные сцены изъ библейскихъ событий, или шуточные и претензіозные, заимствованныя изъ немецкихъ и польскихъ кунштовъ. Такъ на одной печкѣ, до сихъ поръ сохраняющейся въ сузальскомъ уѣздѣ, превосходно переданъ сюжетъ изъ истории Иосифа Прекраснаго. Оригинальна и по своему характерна печь въ келии казначеи Покровскаго Суздальскаго монастыря. На каждомъ изразцѣ этой печки, принадлежавшей ранѣе царицѣ Евдокіи Лопухиной, находится рисунокъ съ пояснительной надписью. Среди этихъ рисунковъ съ изображеніемъ тюльпана, напримѣръ, связана надпись: «духъ его слатокъ». На другомъ изразцѣ, тамъ гдѣ нарисована сидящая въ размышленіи молодая девушка, написано: «Охота моя со мною». Подъ изображеніемъ юноши, указующаго на небо, надпись: «Что тамо азъ не знаю».

Современная ризница Ризположенскаго монастыря занимаетъ особое помѣщеніе въ сѣверной и сѣверо-западной части галерей Троицкой церкви. Къ сожалѣнію нѣкогда богата ризница мало сохранила намъ древнихъ интересныхъ въ археологическомъ отношеніи вещей. Оставшиеся послѣ опустошеній и пожаровъ предметы насчитываются теперь единицами, цѣнными, однако, во всѣхъ отношеніяхъ.

Древнейшимъ изъ девяти напрестольныхъ крестовъ монастырской ризницы считается серебряный, вызолоченный съ жемчугомъ восьмиконечный крестъ 7149 (1641) года. Лицевая сторона его занята Распятиемъ. Крестъ выполненъ чеканнымъ травянымъ выпуклымъ орнаментомъ, повторяющимъ обычный мотивъ русскаго орнамента трилистникъ.

Тотъ же глубокій травной орнаментъ покрываетъ и обратную сторону креста, красиво перемѣшиваясь здѣсь съ изображеніями сузdalскихъ чудотворцевъ Феодора и Ioanna и Преподобной Евфросиніи сузdalской. Здѣсь же надпись: «Лѣта 1641 году сей крестъ сдѣланъ бысть повелѣніемъ смиреннаго Серапіона, грѣхопаденика сузdalского и тарусскаго мѣсяца Ноября 21 день».

Въ монастырской ризницѣ хранятся два серебряныхъ кадила замѣчательной работы XVII вѣка: одно изъ нихъ вкладъ князя и княгини Шуйскихъ, а другое является прикладомъ посадской вдовы Елены Лихониной на вѣчное поминовеніе ея родителей.

Кадило Д. И. Шуйскаго въ формѣ четырехугольнаго храма съ коробовымъ сводомъ, луковичной главкой и восьмиконечнымъ крестомъ, является превосходнымъ памятникомъ ювелирной работы неизвѣстнаго талантливаго сузdalца, съумѣвшаго въ своей работѣ сочетать поразительное знаніе техники чеканнаго дѣла съ извѣстной простотой, не лишній иннастроенія и гармоніи. Орнаментъ колонокъ поддона и отдѣльныя мелочи кадила: цѣлочки, колечки и верхняя крышечка—оригинальны и неподражаемо красивы. Надпись на поддонѣ упоминаетъ князя Дмитрия Ивановича Шуйскаго и его жену Екатерину Григорьевну, дочь Малюты Скуратова, которую народная молва обвинила въ отравленіи извѣстнаго героя смутнаго времени М. В. Скопина-Шуйскаго и насильственную смерть которой воспѣла въ безконечныхъ пѣсняхъ.

Другое серебряное кадило Лихониной принадлежитъ къ категории такъ называемыхъ «ложчатыхъ» кадилъ; оно круглое съ выпуклыми (ложчатыми) овалами вверху. Украшеніемъ его крестъ богатѣйшаго орнамента служить длинная вязевая надпись на шейскѣ и поддонѣ: «Лѣта 1642 года марта въ 30 день положили сіе кадило въ домъ Живоначальной Троицы въ дѣвичь монастырь, что въ суздалѣ посадская вдова Елена Федоровская жена Лихонина і ихъ дѣти Іванъ да Василій, за тотъ прикладъ за нихъ Бога молити, родителей поминати».

Однимъ изъ благочестивыхъ сбываєтъ древней Руси несомнѣнно являлся красивый обычай нашихъ царей, бояръ и знати жертвовать въ монастыри и приходскіе храмы въ ознаменованіи:

различныхъ событий личной жизни жертвователя и его семьи: различные предметы церковного обихода. Рождение сына или дочери, тяжелая болѣзнь одного изъ членовъ семьи и поминъ души его,—всѣ эти события непремѣнно сопровождались добровольными приношеніями, свято и нерушимо сохраняемыми монастырскими ризницами¹⁾.

Древняя художественная вышивка какъ нельзя лучше отвѣчала указаннымъ цѣлямъ.

Среди памятниковъ художественного шитья въ Ризположенскомъ монастырѣ первое мѣсто по тщательности работы и высокому искусству шитья занимаетъ пелена съ изображеніемъ Преп. Евфросиніи. Преподобная вышита въ ростъ въ натуральную величину въ иноческомъ одѣяніи съ восмиконечнымъ крестомъ въ правой и свернутымъ свиткомъ въ лѣвой рукахъ. Рисунокъ, по которому сдѣлано шитье поражаетъ своимъ изяществомъ и принадлежитъ хорошему мастеру-иконописцу конца XVI или начала XVII вѣка. Фонъ пелены шить плотной гранью золотомъ; лицъ и руки вышиты гладью, шелкомъ тѣлеснаго цвета съ сѣровато-матовымъ отливомъ. Контуры широко открытыхъ глазъ, высокихъ густыхъ бровей, тонкаго носа, небольшого рта и подбородка исполнены гладевымъ швомъ въ темныхъ тонахъ. Верхняя риза съ епитрахилью, головнымъ покровомъ и обувью изъ темной камки шиты шелками «денежкой» съ крестиками. Красивый контрастъ темнымъ тѣнямъ даетъ «кафимскій» жемчугъ вязевой надписи, по технике и исполненію далеко превосходящей другія надписи древности.

Вторая шитая пелена съ тѣмъ же изображеніемъ несмотря на внѣшнюю роскошь работы, носить однако отпечатокъ позднѣйшаго времени. Рисунокъ контура одежды потерялъ свой древній характеръ и отъ всей композиціи вѣтъ уже новизной.

Другими памятниками древняго шитья въ монастырской ризнице могутъ служить два воздуха или «сударя» и покровъ несомнѣнной работы XVII столѣтія. На большомъ покровѣ вышита сцена «Положенія во гробъ», правильного во всемъ согласнаго съ иконописнымъ подлинникомъ рисунка. Христосъ уже обвитый плащеницей лежитъ во гробѣ; у изголовія его Богоматерь и жены міроносицы, Иоаннъ Богословъ и Никодимъ. Не лишенная экспрессіи композиція окружена вязевой надписью: «Не ридай мене мати».

Два воздуха повидимому одновременной работы. Воздухъ «Знаменія Богоматери» интересенъ какъ примѣръ примѣненія различныхъ техникъ древняго шитья: «денежкой», «ягодкой» съ

1) М. Достоевский „Воздухъ 1593 года, вкладъ царя Феодора“. „Свѣтильникъ“ 1913 года № 9, стр. 29.

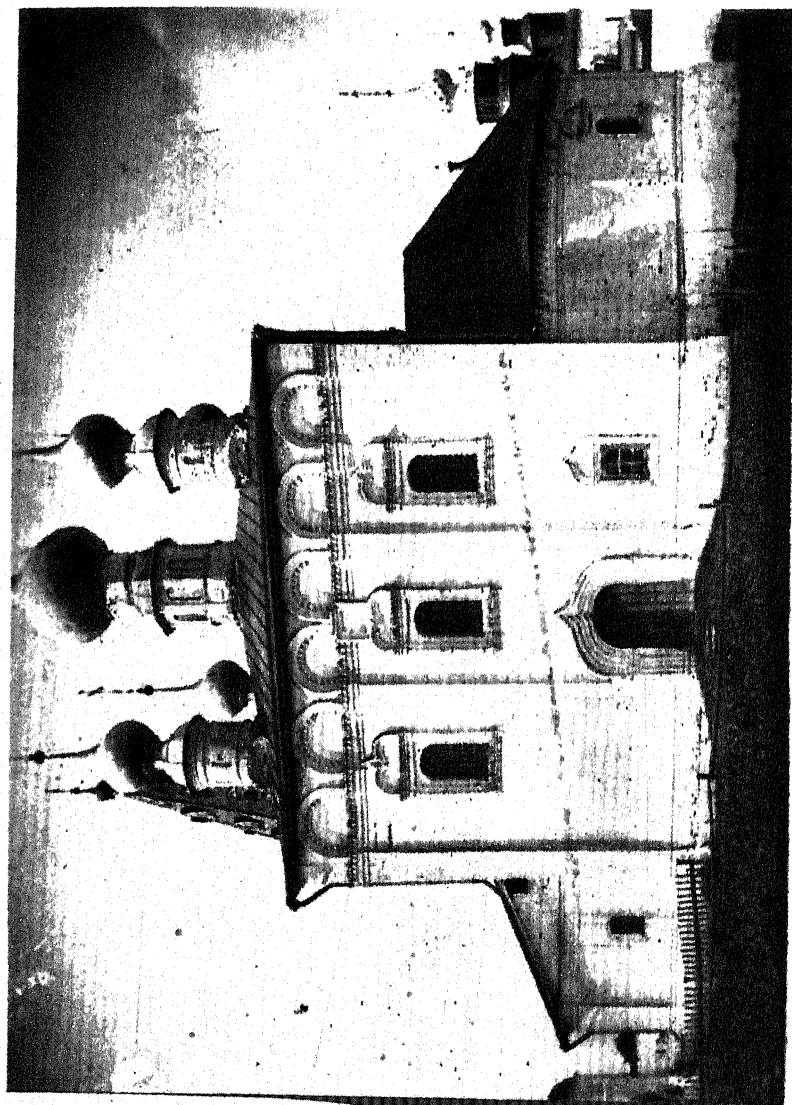
черенкомъ», «рядками», «копытечкомъ» и т. д. На другомъ воздухъ изображеніе младенца Христа, лежащаго на серебряномъ дискоѣ съ фигурнымъ ложчатымъ стояномъ и круглымъ поддономъ. Младенецъ нагъ; его рука приподнята и персты ея сложены двуперстно. Дискоѣ подъ жемчужной звѣздцей. По сторонамъ его двѣ крупныхъ фигуры стоящихъ ангеловъ въ серебряныхъ стихаряхъ, шитыхъ «въ рогожку». Ихъ главы, перевязанныя тороками, окружены жемчужными нимбами, въ рукахъ риды. По каймѣ вязью вышита надпись: «Се Агнецъ Божій, ѿземляй грѣхи міра за мірской животъ».

Спасо-Евфимиевъ монастырь.

На самой сѣвернай окраинѣ Суздаля, на обрывистомъ берегу Каменки высится бѣлокаменныя твердыни Спасо-Евфимиевскаго монастыря. Зубцы стѣнъ, высокая обсервационная башня монастыря съ бойницами, «верхнимъ боемъ», старинныя пушки и пищали и, наконецъ, рѣзныя изображенія на нѣкоторыхъ башенныхъ флюгерахъ, все это создаетъ величественную и грандиозную картину монастыря-крѣпости. Внѣшній ансамбль «опоры твердой силы» дополняется массивной оградой XVII вѣка и 11 другими монастырскими башнями, меньшими по величинѣ и болѣе свободными по архитектурѣ. Даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нихъ создается впечатлѣніе не символическаго загражденія, отдѣляющаго отъ міра иноческую обитель, а крѣпостного сооруженія для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Исторія монастыря говоритъ, что здѣсь часто бывали упорныя битвы, рѣшавшия иногда даже судьбы россійской державы.

Свѣдѣнія объ основателѣ монастыря и времени его основанія встрѣчаются въ житіи преподобнаго Евфимиія. Согласно этого житія, монастырь былъ основанъ во второй половинѣ XIV вѣка по инициативѣ князя Бориса Константиновича державшаго тогда «великое княжение сузальское и новгородское». Первымъ настоятелемъ монастыря былъ преподобный Евфимиій, которому князь Борисъ поручилъ вновь построенный монастырь. 52 года тихо и скромно управлялъ монастыремъ Евфимиій, даъ ему прочный авторитетъ и скончался на 81 году своей жизни въ апрѣль 1404 года, не оставивъ даже благодарному потомству своего мірского имени.

Мирная жизнь монастыря въ XV вѣкѣ была нарушена кровавой битвой великаго князя Василия Темнаго съ татарами, окончившейся, какъ известно, пѣненiemъ великаго князя. Дѣти Ка-

10

Покровский монастырь. Храмъ Благовѣщенія пр. Богородицы.

Колоколы Богоявленско-Рождественского собора.

11

занского царя Улумъ Мухаммеда, царевичи Мамутекъ и Якубъ два дня отдыхали въ Спасскомъ монастырѣ, зло посмѣявшись надъ именитымъ, истерзаннымъ нравственной и физически плѣнникомъ. Снявъ съ него золотые кресты, татары въ знакъ своего торжества отирали ихъ въ Москву матери и супругѣ великаго князя.

Смута въ началѣ XVII вѣка и связанное съ ней раззореніе Россіи не миновали и Спасскаго монастыря. Архимандритъ Левкій, бывшій въ то время настоятелемъ монастыря, принимаетъ въ обитель способнаго человѣка, хорошаго рисовальщика и автора иѣсколькихъ каноновъ святымъ. Ровно годъ прожилъ въ монастырѣ этотъ неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Григоріемъ Отрепьевымъ, затѣмъ изчезъ также внезапно, какъ и явился. Съ появлениемъ второго Самозванца и нашествіемъ Литовцевъ и Поляковъ, Спасскій монастырь подвергается жестокому раззоренію. Сторожникъ Василій Шуйскаго архимандритъ Герасимъ, судьба котораго тѣсно связана съ исторіей Спасскаго монастыря, иринужденъ былъ бѣжать. Только окончаніе смуты и воцареніе первого Романова дало монастырю возможность отравиться отъ раззоренія и окончательно развиться.

Эффектенъ Спасскій монастырь въ тихую лѣтнюю ночь, когда полная жизнь луна привѣтливо разсыпаетъ свои лучи на монастырскихъ крестахъ и золотить яблоко южной башни. Невольно поражаешься и очаровываешься видомъ этого сторожевого гиганта, который послѣ 8 часовъ вечера впуститъ тебя за монастырскую ограду не иначе, какъ по особому разрѣшенію здѣшняго начальства. Послѣ длительныхъ переговоровъ со старцемъ-приоратникомъ, пережившемъ восемь настоятелей, послѣ звона ключей, лязга замковъ и скрипа калитки, можно попасть подъ мрачный безмолвный сводъ башни, откуда въ свою очередь рукой подать до церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, «о двухъ шатрахъ» по выражению монастырской описи 1660 года. Смотря на Благовѣщенскую церковь не трудно заметить, что стиль ся какъ то не выдержанъ и что верхъ ея не соответствуетъ общему характеру зданія; незаконченность стиля и составляетъ, пожалуй, интересную, бросающуюся въ глаза особенность.

Отсюда открывается вся панорама монастыря. Справа виденъ братскій двухъэтажный корпусъ, слѣва настоятельскія келіи. На сѣверъ отъ Благовѣщенской церкви стоитъ колокольня или «звонница» оригинальной архитектуры, ввидѣ продолговатой галлерей съ тремя пролетами въ верхнемъ ярусѣ, предназнача-

чесными для помѣщенія колоколовъ. Колокольня-звонница псковскаго типа смѣнила теперь «московскую» «колокольню-башню», считаясь однімъ изъ замѣчательныхъ явлений въ исторіи нашей древней архитектуры. Такихъ стѣнообразныхъ, построенныхъ отдалено отъ церкви колоколенъ известно всего пять: въ Новгородѣ, Ростовѣ-Ярославскомъ, и Суздалѣ по одной и въ Псковѣ двѣ. Сузdalльская звонница своею сѣверной стороной пристроена къ небольшой восемигранной часовой башнѣ, служившей ранѣе колокольней; надъ мѣстомъ соединенія возвышается небольшой четырехгранный шатерь съ часовымъ колоколомъ.

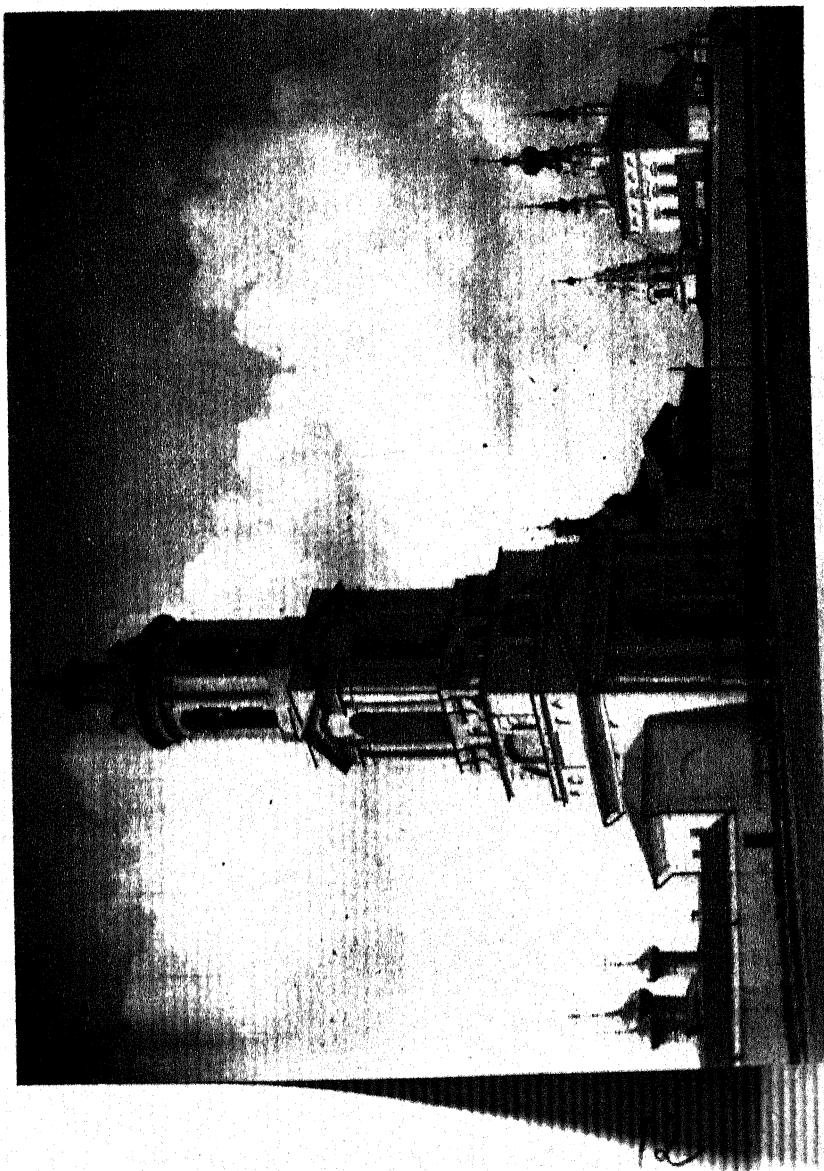
На звонницѣ Спасскаго монастыря имѣется богатый красный звонъ. Самый большой колоколь звонницы вылитъ въ 1691 году и вѣситъ 566 пудовъ. Другой колоколь «шоліслейный» вѣсомъ въ 355 пудовъ, какъ видно изъ надписи, слить копитомъ Демидомъ Черемисинова въ 1599 году, а затѣмъ неоднократно переливался. Куранты звонницы переживають третье столѣтіе. Въ описи 1660 г. записано: «Въ часовой полатке часы большиe съ четвертями, а у нихъ колоколь боевой, да четыре колокола четвертныхъ». Старый механизмъ курантовъ усталъ и ослабъ. Зубья машины выпали, валы поистерлись, и лишь періодическая починка возвращаетъ на время курантамъ мелодичные, бархатные звуки.

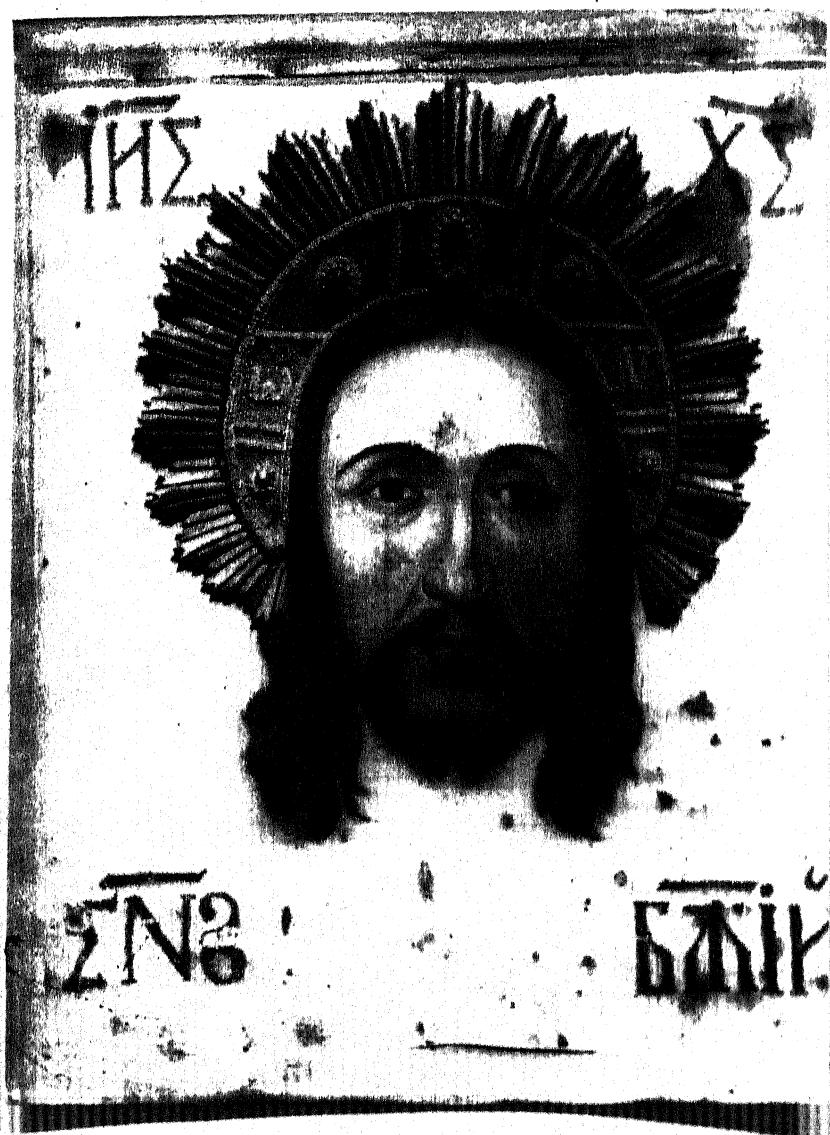
Далѣе, къ сѣверу рисуется величественный, издали кажущійся семиглавымъ, Спасо-Преображенскій Соборъ. Передѣлываясь и перестраиваясь неоднократно, соборъ въ настоящее время является типичнымъ примѣромъ древнихъ соборовъ Владимира-Сузdalльской области XII-XIII вѣковъ. Это четыреугольникъ съ тремя алтарными полуокружіями на восточной сторонѣ и четырьмя внутренними столбами. Слѣды вліянія XII-XIII вѣковъ сохранились въ наружной отдалкѣ стѣнъ, раздѣленныхъ полулюнками на три части и сведенныхъ арками. Однако въ деталяхъ разработки архитектурныхъ украшеній въ общемъ видѣ Спасскаго соборного храма чувствуется, что это только подражаніе стариннымъ образцамъ, а не точное ихъ воспроизведеніе. Надъ храмомъ возвышаются пять главъ луковичной формы на массивныхъ трибунахъ.

Наружныи стѣны Собора лишены всякихъ скульптурныхъ украшеній, мѣсто которыхъ занимаютъ большія растянутыя картины, размѣщенные въ аркахъ южной и западной стѣнъ и между колоннами церкви и датированныя концомъ XVII вѣка. Порталы входовъ, въ особенности порталъ южныхъ дверей, монтированы ввидѣ старинныхъ арокъ съ замѣчательными, перехватченными бусинами колоннами.

Что касается до внутреннихъ украшеній храма, то за время его долголѣтняго существованія, они успѣли существеннымъ об-

Колокольня Спасского монастыря.

13

Образъ Нерукотворнаго Спаса въ Богородице-Рождествен-
скомъ соборѣ.

разомъ измѣниться. По описи 1660 года въ соборѣ былъ высокій въ нѣсколько ярусовъ иконостасъ съ «пророками и праотцами», царскія двери, стѣны и столбы были «рѣзь на деревѣ золочены красками»; надъ престоломъ въ алтарѣ было «небо въ столбахъ деревянныхъ рѣзныхъ, а въ небѣ образъ Спасовъ Нерукотвореній, да Пречистыя Богородицы Воплощеніе, да Святителя». Стѣнная живопись была сдѣлана альфresco по сырому грунту. Масса иконъ въ дорогихъ окладахъ блистали драгоценными каменьями и изящными пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ.

Немного этихъ украшений первой половины XVII вѣка уцѣлѣло до настоящаго времени. Реставрація 1877 года испортила и сильно видоизмѣнила нѣкогда обоятельную стѣнопись. Нѣжныя, ласкающія взоръ краски XVII вѣка замѣнились крикливыми красками наlehovцевъ и холуянъ, при чёмъ самые сюжеты изображеній трактованы въ согласіи съ пониманіемъ новѣйшихъ художниковъ. Изъ всей стѣнной росписи можно еще отмѣтить изображеніе Господа-Саваофа на херувимахъ среди облаковъ съ Отрокомъ Спасителемъ въ рукахъ, помѣщенное въ куполѣ храма, ниже изображенія Св. Духа. На парусахъ сводовъ тщательно, напомнивъ скорѣе олеографію, чѣмъ художественное изображеніе, нарисованы Евангелисты и Спась-Благое молчаніе.

Современный иконостасъ собора въ общемъ напоминаетъ иконостасъ XVII вѣка. Въ его пяти ярусахъ трудно найти что либо интересное. Съ усилиемъ отыскиваешь, наконецъ, икону Богоматери съ Богомладенцемъ или икону Входа Господня въ Іерусалимъ. Съ удовольствіемъ останавливаешься на прелестной иконѣ XVII вѣка Владимицкой Богоматри съ Акафистомъ, въ чеканномъ окладѣ, со скамьями оплечьями, къ сожалѣнію тронутой уже позднейшей реставраціей.

Въ соборѣ двѣ чудотворныхъ иконы. Первая изъ нихъ «Умиленіе» или икона Пресвятой Богородицы называемая также «корсунской» относится къ концу XVI вѣка. Вся окрестность Суздаля питаетъ къ иконѣ чувство глубочайшаго уваженія, прибѣгая къ «Корсунской» въ трудныя минуты жизни. Масса драгоценныхъ камней, добровольныхъ приношеній порожанъ сузальской округи, которыми буквально усыпана риза Богоматери, эффектно выдѣляютъ темный, строгій ликъ иконы. Происхожденіе ея неизвѣстно; манера письма сближаетъ ее съ греческими подлинниками, а народная молва указываетъ на происхожденіе иконы изъ города Корсуни. Описаніе «Умиленія» въ описи 1660 г. занимаетъ три страницы и изъ него мы узнаемъ, что икона была «приложена» въ 1590 году думнымъ дворяниномъ Грознаго Д. И. Черемисиновымъ, выкупленнымъ изъ плѣна Стефана Баторія въ 1583 году за 4457 рублей. Опись подробно останавливается на

всѣхъ драгоцѣнностяхъ, вѣнцахъ и ризахъ иконы, не забывая упомянуть и двѣ пелены повседневную и праздничную «шитую золотомъ волоченымъ и сканымъ жемчугомъ». Конечно многаго изъ того, что упоминается въ описи въ настоящее время не сохранилось, многое древнее замѣнено новымъ, но несмотря на это Корсунская икона Пресвятой Богородицы оставляетъ сильное впечатлѣніе.

Другая древняя и чтимая икона Владимірской Божіей Матери также вызвала въ свое время не мало споровъ о своемъ происхожденіи. Всматриваясь ближе въ изящную ювелирную и сканную работу оклада, очаровываясь поразительной игрой золота, самоцвѣтныхъ камней и жемчуга, невольно дивишься знанію и терпѣнію древнихъ мастеровъ, сочетавшихъ въ себѣ технику и пониманіе стиля съ чѣмъ то обоятельно красивымъ.

Личность князя Дмитрія Михайловича Пожарского въ настоящее время достаточно освѣщена исторіей и крупная фигура вождя нижегородскаго ополченія теперь уже доступна пониманію каждого.

Владимірецъ по происхожденію, князь оставался таковымъ до своей смерти. Уже съ половины XVI столѣтія князья Пожарские начинаютъ оказывать сузdalскому Спасо-Евфиміевому монастырю свое особое благоволеніе, обычной формой котораго какъ мы указывали, явились щедрыя жертвы «ради настѣдія вѣчныхъ благъ и въ вѣчный поминокъ».

Князь Дмитрій Михайловичъ скончался въ 1642 году. О мѣстѣ его погребенія не сохранилось никакихъ прямыхъ указаній, существовало лишь предположеніе, что «полатка» т.-е. общая усыпальница князей Пожарскихъ находилась въ сузdalскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Вопросъ о мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарского возникаетъ и становится предметомъ изслѣдованія уже въ XIX вѣкѣ и сначала робко и неувѣренно начинаетъ разрѣшаться въ пользу Спасскаго монастыря.. Подобная мысль, была высказана, напримѣръ, въ 1817 году А. Ф. Малиновскимъ въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о князѣ Д. М. Пожарскомъ, поднесенныхъ Александру I по случаю открытия памятника Минину и Пожарскому въ Москвѣ. Къ тому же склонился и Погодинъ. Дѣло розыска гробницы Д. М. Пожарского въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было передано графу А. С. Уварову, который и нашелъ по нѣкоторымъ даннымъ близъ алтаря Преображенскаго Собора фундаментъ бывшей «полатки» князей Пожарскихъ. Не полагаясь, однако, на свои силы, графъ съ цѣлой комиссией спе-

циалистовъ сталъ продолжать свои розыски, пока наконецъ не натолкнулся на гробницу, где по предположению былъ погребенъ кн. Пожарскій. Вскрытие гробницы происходило 22 февраля 1852 года. Протоколъ вскрытия не далъ прямыхъ указаний и вопросъ о мѣстѣ погребенія долженъ былъ решаться путемъ косвенныхъ соображеній и доказательствъ. Комиссія, однако, не сомнѣвалась въ правильности своихъ выводовъ; могила была засыпана и надъ мѣстомъ вѣчного упокоенія кн. Пожарскаго былъ поставленъ небольшой столбикъ съ надписью: «Здѣсь лежитъ князь Д. М. Пожарскій».

Въ настоящее время здѣсь возвышается изящный памятникъ изъ бѣлого итальянскаго мрамора въ стилѣ надгробныхъ палатокъ XVII вѣка, сооруженный по проекту академика Горностаева. Входъ съ восточной стороны закрытъ тяжелой бронзовой дверью художественной работы съ рельефными изображеніями Минина и Пожарскаго. На верхней части двери представленъ торжественный моментъ призванія кн. Пожарскаго. Князь, устремившій свой взоръ вдали имѣть на головѣ шлемъ, на груди панциры; въ правой руцѣ онъ держитъ мечъ, лѣвая сжимаетъ руку смотрящаго на него Минина. Дородная фигура князя, какъ бы воплощающей въ себѣ величие и мощь русскаго народа, а скорбное выраженіе лица Минина очевидно символизируетъ ту чашу горестей и страданій, которую по волѣ исторической судьбы мужественно вынесли русскіе люди на зарѣ XVII столѣтія. У ногъ обоихъ героевъ разсыпаны приношенія россіянъ: деньги, цѣпочки, кресты, все тѣ богатства, которыя принесли на алтарь отечества наши патріоты 1611—1612 годовъ въ отвѣтъ на плачесій призывъ Минина.

Нижняя часть двери передаетъ моментъ битвы Пожарскаго на Срѣтенкѣ 19 марта 1611 года, въ которой онъ былъ раненъ. Иэнемогающій отъ ранъ князь поддерживается двумя воинами; лѣвой рукой онъ указываетъ на врага; близъ раненаго князя изображенъ монахъ съ крестомъ, а впереди его направо два воина, везущіе пушку.

По краямъ двери написаны знаменательныя слова князя въ отвѣтъ на призывъ Минина, а на наружнихъ стѣнахъ славянскими буквами изложено сказаніе о подвигахъ Пожарскаго, взятое изъ лѣтописи о мятежахъ.

Слѣдуя обычаямъ старины, цари, великие князья и бояре дѣлали богатые вклады въ монастырскую ризницу. Опись XVII вѣка подтверждаетъ наличіе массы разнообразныхъ предметовъ: на-престольныхъ крестовъ, Евангелій, кадиль, митръ, серебряной

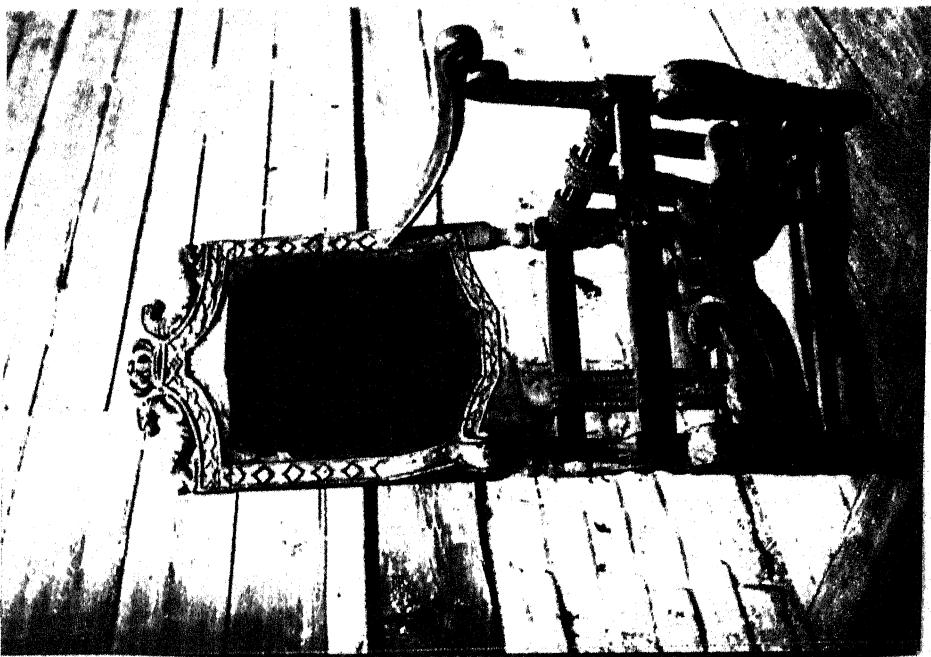
посуды, приложенныхъ Грознымъ, княземъ Пожарскимъ, Ногтевымъ и т. д. Время и усердіе нѣкоторыхъ лицъ уничтожили все эти богатства. Не сохранилось также и множества фелоней, эпитрахилей, оправъ и поручей осыпанныхъ по бархату и парчѣ крупнымъ жемчугомъ. Указанія на эти сокровища существовали еще въ началѣ XVIII столѣтія, а затѣмъ часть жемчуга въ количествѣ 11 фунтовъ 45 золотниковъ была продана съ разрѣшеніемъ синода за 9000 рублей.

Изъ сохранившихся до насъ предметовъ старины въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ несомнѣнныи интересъ представляеть лампада князя И. И. Шуйскаго 1622 года. Сама виѣнія форма лампады, стройная точеная ножка и круглый оловянный поддонъ говорятъ о не русскомъ ея происхожденіи, а орнаментація виѣнія края чаши прямо указываетъ на Востокъ, гдѣ василиски и мелкій путаный рисунокъ составляютъ главный мотивъ национального орнамента. На четырехъ клеймахъ лампады написаны: «Лѣта 7130 (1622) мѣсяца апрѣля въ 20 день сдѣлана бысть сія лампада во градѣ Сужданль въ Пречистую и Великую обитель Боголѣбнаго Преображенія Господа Іисуса Христа повелѣніемъ князя Ивана Ивановича Шуйскаго».

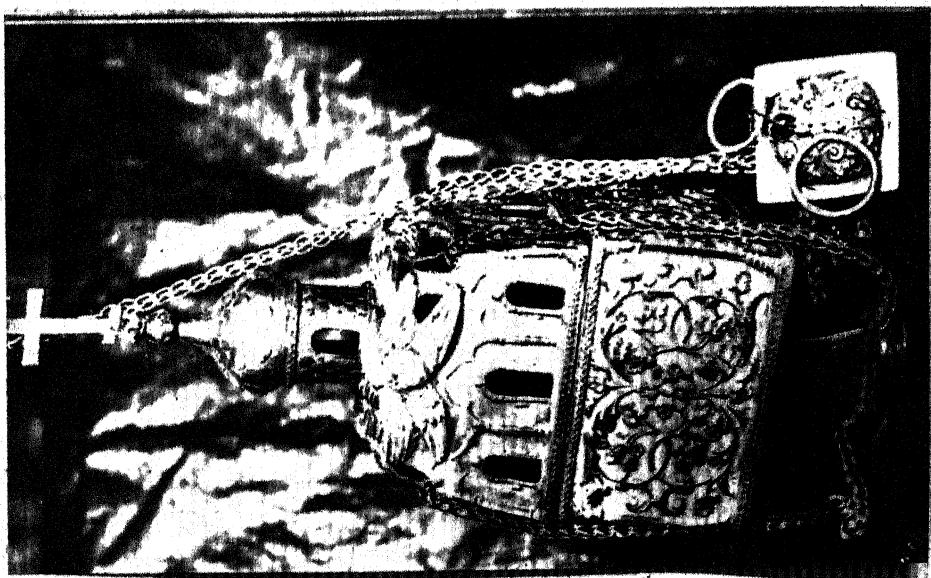
Перелистаемъ Евангеліе кн. Пожарскаго, одно изъ двухъ стоящихъ безусловнаго вниманія евангелій Спасскаго монастыря. Евангеліе большого размѣра, датировано 1615 годомъ въ серебряно-вызолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями и низаннымъ жемчугомъ. Евангеліе написано красивымъ полууставомъ, содержитъ рядъ превосходно исполненныхъ миниатюръ евангелистовъ, а начало, начальныя слова и на поляхъ каймы и точки писаны по выражению лѣтописи «творенымъ золотомъ». Въ концѣ Евангелія имѣется слѣдующая собственноручная подпись князя Д. М. Пожарскаго: «Лѣта 1623 года октября въ 14 день при державѣ великова Государя Михаила Феодоровича всея русіи царства ево влѣта при архимандритѣ Митрофанѣ даль бояринѣ князь Димитрѣй Михайловичъ Пожарскій съ матерію своею сію книгу глаголемую святое Евангеліе».

Другое Евангеліе 1689 года поражаетъ своею грандіозностью и своимъ вѣсомъ. Написано оно въ листъ на александрийской бумагѣ на 620 страницахъ и вѣсить 1 пудъ 26 фунтовъ.

Долго и внимательно надо изучать остатки нѣкогда богатѣйшей ризницы Спасскаго Монастыря. Въ краткомъ перечень иѣть возможности подробно остановиться на многочисленныхъ потирахъ, удивительному по работѣ наперстномъ крестѣ 1588 года суздальскаго епископа Іова, дарохранительницѣ Феодора Алексѣевича или ладонице 1568 года, нѣть силъ описать и много другихъ интересныхъ памятниковъ старины. Но и при бѣгломъ

14

15

Старинное кресто из Покровского монастыря.

Кадило 1603 года въ ризн цѣ Псковскаго монастыря.

ссмотрѣ нельзѧ не упомянуть о плащаницѣ, средина которой шита золотомъ, серебромъ, и разноцвѣтными шелками по червчачому атласу. Изумительно тонко и удивительно рельефно передана центральная сцена плащаницы—Положеніе во гробъ. Художникъ удачно справился со своей задачей, благополучно размѣстивъ рядъ стоящихъ и склоненныхъ фигуръ. Изъ надписи видно, что плащаница пожертвована княгиней Пожарской по «мужъ своеемъ и по душѣ своей». По концепціи рисунка къ плащаницѣ очень близки два воздуха 1605 года М. Сабурова. На мѣньшемъ воздухѣ агнецъ Божій на дискосѣ со склоненными надъ нимъ Ангелами, на большемъ—Знаменіе Пресвятой Богородицы.

Цѣнныя работы золотомъ и шелками заключены въ митрахъ соборной ризницы. Болѣе древняя по времени митра 1643 года является вкладомъ жены князя Д. М. Пожарскаго, княгини Феодоры Андреевны. Митра обращаеть на себя болѣе вниманія богатствомъ и роскошью отడѣлки и блескомъ жемчуга, чѣмъ высотою исполненія рисунка; этаотъ недостатокъ выполняеть другая болѣе поздняя по времени митра тобольскаго епископа Павла 1691 года, гдѣ рисунокъ вышивки и золото филигранной работы заставляеть прямо поражаться.

Остается сказать нѣсколько словъ о пеленахъ и облаченіяхъ монастырской ризницы. Иэъ древнихъ облаченій интересны тѣ, которыя такъ или иначе связаны съ именемъ князя Пожарскаго. Сюда относятся риза малиноваго бархата, оплечье, шитое золотомъ по персидскому бархату, съ вышитымъ вверху образомъ Спасителя и двѣ эпитрахили, съ поразительными по красотѣ надписями. Червчавый атласъ двухъ сохранившихся старыхъ пеленъ передаетъ изображенія Евфимія, надъ которымъ Эммануилъ.

Библіотека Спасо-Евфиміева монастыря въ XVII столѣтіи была довольно содержательна. Въ составъ ся, входили не только книги церковно-богослужебныя, но и книги учительного характера, для назидательного чтенія. Большая часть книжного собрания являлась рукописями; изъ 157 рукописей, значившихся въ описи 1722 года многія «за вѣтхостью» были исключены, а многія даже проданы на макулатуру за баснословно дешевую цѣну. «Отечникъ» напримѣръ, прошелъ за 15 рублей, а «Миротворный Кругъ на большой бумагѣ въ восемь тысячъ листовъ» — за 20 рублей. Естественно что при такомъ отношеніи къ дѣлу до насъ дошло немногого рукописей, изслѣдованныхъ и изданныхъ къ счастью для современниковъ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ.

Реформы Петра Великаго въ связи съ преобразованіями русской государственной и общественной жизни, существеннымъ образомъ измѣнили и положеніе монастырей въ Россіи. Мона-

стыри со всѣмъ имуществомъ призываются на службу государству, лишаются своего привилегированаго положенія, и свободного распоряженія своими вотчинами; внутренняя монастырская жизнь подчиняется строгому режиму. Новыя неблагопріятныя условія монастырскаго существованія привели къ тому, что въ Спасскомъ монастырѣ появляются разнаго рода «вѣтхости», уменьшается число монашествующихъ и убываетъ населеніе монастырскихъ вотчинъ. Съ другой стороны статистическая данныя даютъ разительную картину появленія среди монаховъ офицеровъ и низкихъ чиновъ. Сохранились указанія, что въ 1732 году годовое содержаніе жившихъ въ монастырѣ 42 офицеровъ и низкихъ чиновъ «составляло 450 руб. да натурой 159 четвертей хлѣба».

Къ этому, приблизительно, времени относится постройка одноэтажнаго корпуса, сыгравшаго внослѣдствіи печальную роль въ исторіи Спасскаго монастыря и получившаго широкую извѣстность далеко за предѣлами Суздаля. Мы имѣемъ въ виду знаменитую «турьму безумствующихъ колодниковъ», строителемъ которой явился архимандритъ Питиримъ Фаминцевъ. Сначала сюда приказомъ синода была водворена вновь учрежденная сузdalская семинарія и присланы для занятій изъ Кіева іеромонахъ Іустинъ Илляшевичъ. 16 апрѣля 1740 года онъ началъ здѣсь свои занятія; впрочемъ они были непродолжительны и въ началѣ февраля 1744 года мы видимъ Илляшевича, оставившаго сузdalскую семинарію и удалившися «на обѣщеніе». Состояніе этой сузdalской «примѣрной» школы рисуетъ докладъ казеннаго приказа. До «пітики», говорится въ приказѣ, дошло лишь семь семинаристовъ; въ синтаксисѣ за четыре года существованія школы обучалось четыре человѣка, «инфіму» учило трое, «фару» четверо, а десять семинаристовъ готовились лишь приняться за букварь. Набранные противъ воли своей и родительской, ученики оставляли семинарію не достигнувъ высшихъ классовъ. Изъ 18 выбывшихъ—девять уволено къ родителямъ «за непонятливость», шесть бѣжали самовольно и не были розысканы, одинъ «за скорбью» отпущенъ въ домъ отца и наконецъ одинъ изгнанъ «за нѣкоторымъ подозрѣніемъ».

Занятія семинаріи, прерванные на 11 лѣтъ, открылись затѣмъ въ сузdalскомъ архіерейскомъ домѣ.

Покровскій женскій монастырь.

Живописно раскинулся на окраинѣ Суздаля Покровскій монастырь; красиво блестятъ на яркомъ солнцѣ его купола и главы;

Старинное евангелие въ ризнице Покровского монастыря.

съдой стариною вѣть отъ его построекъ и странными кажутся онѣ на фонѣ современной городской жизни.

Монастырь основанъ въ 1364 году стараніями суздальскаго князя Андрея Константиновича. Поводомъ къ построенію монастыря послужило чудесное спасеніе князя, едва не погибшаго во время бури на Волгѣ. Давши обѣтъ Богу за свое спасеніе построить монастырь, князь обратился къ суздальскому епископу Иоанну и преподобному Евфимію съ просьбой указать мѣсто для постройки, которое и было избрано на правомъ берегу рѣки Каменки. Мѣсто, предназначеннѣе для монастыря было обнесено оградой и была построена деревянная церковь въ честь Покрова Пресвятаго Богородицы. Въ 1518 году послѣ посвѣщенія Покровскаго монастыря великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ и его супругой Соломоніей, по приказу его, вмѣсто деревянной церкви была построена каменная, сохранившаяся до настоящаго времени. Нѣсколько позднѣе были заложены и двѣ другія церкви монастыря Зачатьевская и церковь во имя Происхожденія Креста Господня, устроенная на мѣстѣ небольшой келі заточеной сюда великой княгини Соломоніи.

Сузdalский Покровскій монастырь съ первыхъ лѣтъ своего существованія пользовался особымъ покровительствомъ мѣстныхъ князей и боярства. Своимъ благоустройствомъ и благочестивой жизнью подвизавшихся въ немъ монахинь, монастырь становился далеко за предѣлами суздальской области. Въ половинѣ XVI вѣка Покровскій монастырь пріобрѣтаетъ большую извѣстность съ того времени, какъ великий князь Василій III отправилъ сюда для заточенія и постриженія въ монахини свою первую жену Соломонію Юрьевну Сабурову. Ioаннъ Грозный дважды посѣтилъ Покровскій монастырь. Отправляясь въ Казань, Грозный слушалъ здѣсь напутственный молебенъ и монастырское преданіе говоритъ, что игуменья Василиса предрекла ему быть царемъ казанскимъ. По примѣру своего отца, Грозный заточилъ затѣмъ, въ 1576 году въ Покровскомъ монастырѣ послѣ четырехлѣтняго брака четвѣртую свою жену Анну Колтовскую, умершую здѣсь и здѣсь же погребенную.

Изъ историческихъ событий XVII вѣка, суздальскій пѣтописецъ отмѣчаетъ заточеніе въ 1610 году царицы Маріи Петровны, жены В. И. Шуйскаго послѣ сверженія его съ престола, нашествіе Лисовскаго и уже въ концѣ столѣтія насильственное постриженіе въ Покровскомъ монастырѣ первой супруги Петра Великаго—Евдокіи Феодоровны Лопухиной.

Кромѣ упомянутыхъ царицъ въ Покровскомъ монастырѣ еще погребены: супруга царевича Ioанна Ioанновича, инокиня Александра и дочь Василія Шуйскаго, царевна Анастасія. Всего

подъ спудомъ соборной Покровской церкви сохранилось 27 историческихъ гробницъ. Здѣсь имѣются гробницы представительницъ княжескихъ и боярскихъ родовъ: Погоцкихъ, натихъ. Скопиныхъ-Шуйскихъ, Черкасскихъ, Кислыхъ, Ногтевыхъ, Бѣльскихъ и многихъ другихъ, пролившихъ здѣсь столько слезъ и вынесшихъ столько томлений и страданий. Нѣкоторые изъ нихъ были пострижены насильно, другія искали въ стѣнахъ обители мирного убѣжища отъ ужасовъ своего времени!..

Всѣ храмы Покровскаго монастыря сохранились почти въ своемъ первоначальномъ не перестроенномъ и не искаженномъ видѣ, и слѣдовательно являются цѣннѣйшими памятниками суздальской архитектуры XVI вѣка.

Покровская соборная церковь внутрь представляеть изъ себя квадратъ съ четырьмя поддерживающими куполь столбами и тремя алтарными абсидами. Три двери, ведущія въ церковь сдѣланы ввидѣ романскихъ порталовъ, и украшены пятью парами полуколонокъ, стянутыхъ сверху. Горизонтальный поясъ изъ небольшихъ висячихъ полуколонокъ, какъ и вѣздѣ, отличаетъ Владимиро-Сузdalскую архитектуру. Одна изъ трехъ главъ, увенчивающихъ Покровскую церковь, покоится на трибунахъ, двѣ остальныхъ поставлены надъ малыми абсидами въ восточной стѣнѣ храма. Колокольня, съ Покровской церковью соединенная галерею, представляетъ собой восемигранный столбъ съ шатровымъ верхомъ въ стилѣ московской архитектуры XVI вѣка.

Покровскій монастырь, несмотря на пожаръ 1650 года, въ которомъ погибло много церковной утвари, является богатѣйшимъ и драгоценнѣйшимъ музеемъ предметовъ церковной старины, заслуживающимъ самаго тщательнаго изученія. Собрание это образовалось прежде всего изъ тѣхъ вкладовъ и пожертвованій, которыя щедрою рукою сыпались въ обитель со стороны московскихъ государей XVI и XVII вѣковъ. Кромѣ того масса низанныхъ жемчугомъ иконъ, воздуховъ и убрусовъ безмолвно свидѣтельствуютъ о трудолюбіи монахиль и погребенныхъ здѣсь знатныхъ инокинь. Трудно перечесть все художественное настѣнное прошлаго, въ особенности если вспомнить, что одна опись Покровскаго женскаго монастыря 1651 года, опубликованная В. Т. Георгіевскимъ, занимаетъ 71 страницу мелкой печати¹⁾.

Изъ достопримѣчательностей монастыря, кромѣ иконостаса соборной церкви великолѣпной работы XVII вѣка, въ настоящемъ

1) В. Т. Георгіевскій— „Опись Покровскаго Женскаго монастыря въ Суздалѣ 7159 (1651) года“. Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссіи, книга V, Владимиръ, 1903 г.

время можно отмѣтить прежде всего замѣчательную икону Спасителя, датированную 1686 годомъ; надпись внизу иконы перечисляетъ поименно всѣхъ мастеровъ, которые, какъ послѣдователи художественной школы Симона Ушакова, писали эту и другія соборныя иконы: «Лѣто 7194 писанъ сей образъ Господа Вседержителя, съ нимъ же и прочіе образы, деисусы, мѣстныя царскія двери въ Суждалѣ Покровскій дѣвичій монастырь, въ соборную церковь... Писали Артемій Кутанецъ, Іоаннъ Рефуситскій, Флоръ Луховляинъ съ прочими. При семъ нашихъ трудѣхъ, молимъ о Господѣ Вась зряще святые сіи образы и просимъ, да помянуть во святыхъ Вашихъ молитвахъ о насъ, недостойныхъ, о отпущеніи грѣховъ».

По идеѣ красивъ образъ Пресвятой Богородицы по лѣвую сторону царскихъ вратъ. Пресвятая Дѣва изображена согласно легенды сидящей на престолѣ съ Предвѣчнымъ младенцемъ въ рукахъ и принимающей свой башмачекъ изъ рукъ бѣдняка.

Изъ иконъ XVI и XVII столѣтій, кромѣ иконы Іоанна Богослова и Николая Чудотворца, отмѣтимъ Грузинскую икону Божьей Матери, приложенную Грознымъ въ 1552 году на возвратномъ пути изъ Казани. На иконѣ жемчужное ожерелье замѣчательно тонкой и интересной работы, даръ второй супруги Грознаго и дочери черкесскаго князя Темрюка, царицы Марии Темрюковны. Іоаннъ Грозный позаботился лично объ украшеніи иконы золотомъ и драгоценными камнями, приложивъ въ видѣ особой милости золотя съ жечупомъ казанская серыги и золотой булатный перстень.

По срединѣ Покровской церкви повѣшено большое мѣдное «о четырехъ ярусахъ» паникадило съ подвѣшеннымъ внизу строфокамиловымъ яйцомъ. Это даръ князя Александра Ивановича Шуйскаго. Надпись внизу паникадила заканчивается словами: «А кто захочетъ сіе паникадило вынести или продати или заложити, того судить Богъ на второмъ пришествіи».

Въ богатой монастырской ризницѣ Покровской церкви еще недавно можно было насчитать 55 иконъ XV, XVI и XVII вѣковъ. Наиболѣе интересныя изъ нихъ по времени и любопытныя по сюжету и композиціи рисунка перевезены въ настоящее время въ Петроградскій музей императора Александра III. Две изъ нихъ, иконы Рождества Богородицы и Введенія во храмъ по своей композиціи и этнографическимъ подробностямъ заслуживаютъ особаго вниманія. Здѣсь, судя по краскамъ и мелкимъ подробностямъ картины, виденъ крупный художникъ, сумѣвшій придать изображаемымъ имъ персонажамъ естественность позы, правильную перспективу и извѣстную живость. Авторъ иконы не чуждъ былъ дыханія востока. По крайней мѣрѣ въ восточ-

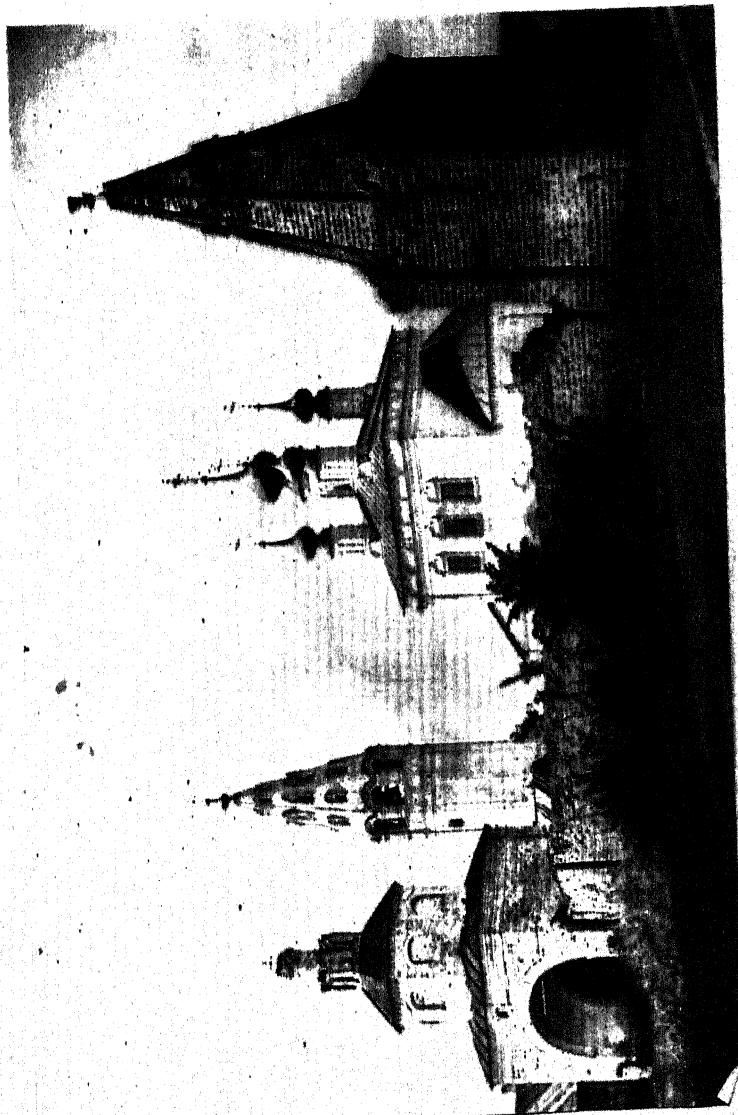
номъ духъ исполнены, напримѣръ, головныя повязки на бабѣ Саломѣ въ иконѣ Рождества Богородицы и на дѣвицахъ, сопровождающихъ Богоматерь—въ иконѣ Введенія во храмъ.

На многихъ иконахъ сохранились имена ихъ собственниковъ. Таковы двѣ иконы князя Шуйскаго, одна княгини Агриппины Романовской; одна приложена по княгинѣ Александрѣ и по матери ея княгинѣ Марфѣ и т. д.

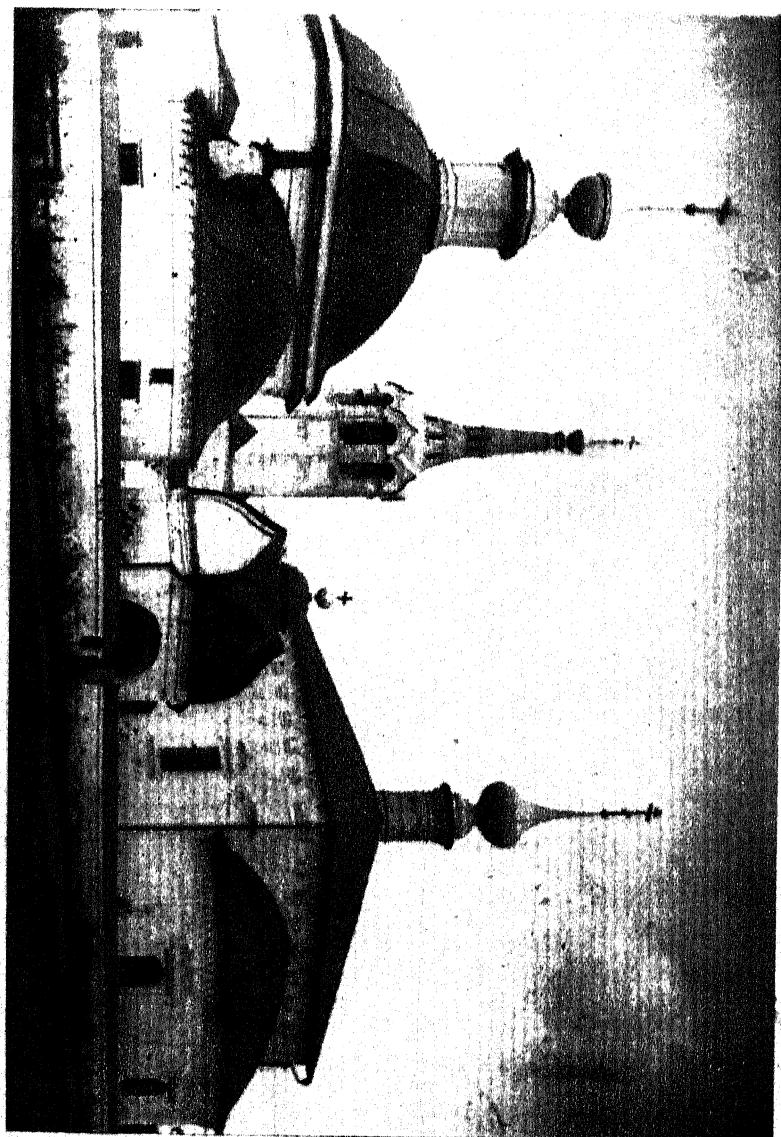
Водосвятная чаша конца XVI столѣтія и чеканное кадило 1603 года справедливо считаются перлами русского золотого и серебрянаго дѣла XVI и XVII вѣковъ. По краю серебряной 12 фунтовой съ рѣзнымъ изображеніемъ Богоявленія чаши тянется крупная славянская вязевая надпись: «Лѣта 7105 (1597) далъ сию чашу князь Дмитрій Ioannовичъ Шуйскій въ Сузdalъ къ Покрову Пресвятой Богородицы въ монастырь по матери своей княгинѣ Марфѣ Феодоровнѣ зато пожаловали поминали какъ Богъ Вамъ поможетъ сея чаши изъ монастыря не отдать никому». Кадило ввидѣ одноглаваго храма на невысокой ножкѣ покрыто рельефнымъ травянымъ орнаментомъ западнаго характера. Изящно изогнутыя вѣтки его, какъ бы нарочно созданы съ цѣлью оттенить лишенный украшений верхъ кадила и небольшая его оконца древней формы.

Жемчужные воздухи, по атласу и бархату шитые золотомъ, серебромъ и шелками—отдѣльная красавая страница изъ истории русской вышивки XVI вѣка. Цѣлый рядъ тканей: золотой алтабасъ, камка простая, камка кизилбашская, бархать рытый и двоеморхій разнообразныхъ цвѣтовъ и различной сохранности проходятъ передъ глазами и даютъ полную возможность по даннымъ образцамъ изучить всѣ выдающіяся техники древне-русскаго шитья: пряденнымъ и волоченымъ золотомъ, золотою и серебряной канителью швомъ простымъ, высокимъ и бронированнымъ, копытечкомъ, въ денежку и т. д. Наконецъ въ вышивкѣ русская орнаментация отличилась въ полной своей мѣрѣ. Среди различныхъ орнаментовъ и стилизованныхъ украшений, изъ которыхъ некоторые обнаруживаются несомнѣнно западнаго и восточного заимствованія, преобладающимъ является орнаментъ «теремками» и «фигурными столбиками». Еще двѣ, три орнаментныхъ формы, нѣсколько разбросанныхъ букетиковъ—вотъ въ сущности тотъ скромный художественный багажъ, который достался въ удѣль нашимъ рукодѣльнымъ труженицамъ. Ихъ вѣрными союзниками въ работѣ были колоссальная усидчивость терпѣніе и необычайно развитой художественный вкусъ. Трудно оживить ткань, но еще труднѣе заставить ее говорить языкомъ красокъ образовъ и формъ. Однако въ работахъ русской рукодѣльницы все это достигнуто.

Соборъ Александра Невскаго (бывшій монастырь).

Церковь св. Троицы.

17

Несколько поблекшій оть времени зеленый атласъ плащаницы XVI вѣка оживленъ золотой, серебряной и жемчужной вышивкой. Сколько простоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько экспрессіи въ лежащемъ Спасителѣ съ безпомощно опущенными руками. Его худое, обнаженное тѣло ничѣмъ не прикрыто; оно стройно и правильно со стороны анатоміи. Скорбныя фигуры Богоматери и нѣсколькихъ святыхъ только выгорѣли оть времени, такъ какъ золото потускнѣло, а зеленый цвѣтъ ткани стала болѣе мягкимъ.

Сохранился и замѣчательный по работе надгробный покровъ на гробницу Соломоніи, гдѣ вышивка сдѣлана золотомъ и серебромъ по черному бархату и гдѣ большія рѣзныя серебрянныя гробницы создаютъ удивительное настроение. Очень простая, лишенная орнамента вышивка покрова, имѣть очевидной цѣлью напомнить объ ожидающемъ всѣхъ насть лучшемъ мірѣ. Изъ надписи видно, что этотъ покровъ сдѣланъ повелѣніемъ царя Федора Ивановича въ 1594 году.

Настроение интимности, навѣваемое безконечными вышивками и пеленами Покровского монастыря, смѣняется удивленіемъ, когда мы доходимъ до прекрасной, единственной въ себѣ родѣ коллекціи древнихъ панагій. Не хочется думать о времени ихъ происхожденія, или разбираться въ сложныхъ правилахъ рѣзчицкой техники. Трудно оторвать глазъ оть этихъ небольшихъ предметовъ, одинаково интересныхъ какъ художнику, такъ и простому туристу наблюдателю.

Всѣ панагіи Покровского монастыря могутъ быть датированы не позже XVII вѣка и таковыхъ большинство. Разнообразіе внѣшнихъ формъ, богатство украшеній, и пестрые переливы камней и финифти сами собой говорятъ за XVII столѣтіе, тогда какъ большая скромность и рафинированная техника, наоборотъ, служать характернымъ показателемъ предыдущаго вѣка. Изучая панагіи Покровского монастыря убѣждается, что древніе русскіе ювелиры въ совершенствѣ знали свое ремесло. Легко оперировали они съ различными драгоценными материалами и изъ подъ ихъ опытныхъ пальцевъ выходили изображенія то на красномъ «червчатомъ» рубинѣ, то на желтомъ топазѣ или синемъ сапфирѣ. Придавая своимъ изданіямъ различные формы то круглые и восмиграннія, то четыреугольные или овальные, они оправляли панагіи въ золото и серебро и украшали ихъ то чернью, то разноцвѣтной эмалью. Встрѣчаются также панагіи, рѣзанные на яшмѣ, янтарѣ кораллѣ и ониксѣ.

Покровскій монастырь, взятый въ цѣломъ, еще ждетъ своего изслѣдователя и не легка будетъ его задача. Архивныя записи XV, XVI, и части XVII столѣтія безвозвратно попали во время

престовутаго пожара 1650 года. Позднѣйшихъ записей сохранилось не много, а новыя не представляютъ никакого интереса. Такимъ образомъ въ руки изслѣдователя попадаетъ сырой фактическій матеріалъ, требующій прежде всего извѣстной классификаціи, потомъ точной датировки, а затѣмъ уже детальнаго изученія. Не малую трудность въ иныхъ случаяхъ представить и розысканіе нужнаго матеріала. Такъ, напримѣръ, дѣло обстоитъ съ многочисленными надгробіями, XVI и XVII столѣтій, разбросанными подъ соборной церковью, лѣстницей и колокольней. И если упорный трудъ работника превзойдетъ все и дѣло егоувѣнчается успѣхомъ, онъ можетъ смѣло сказать: «Я сдѣлалъ все, что могъ;—пусть другіе сдѣлаютъ большее».

Заключеніе.

«Вѣка бѣгутъ... вѣка!

Въ этомъ торопливомъ бѣгѣ вѣковъ, стирающемъ одни воспоминанія прошедшей жизни и бережно хранящемъ другія, есть высшая справедливость, высшая мудрость!

Сузdalь—это энциклопедія древне-русскаго быта, яркая иллюстрація былой жизни русскаго человѣка. Въ обиходѣ минувшаго многое было чрезвычайно красивымъ, и теперь мы, измученные, усталые въ шумихѣ современности, въ сумятицѣ жизни большихъ городовъ, звездящихъ трамваевъ и гудящихъ автомобилей, стараемся собрать крохи того красиваго и отдохнуть, любуясь ими и вспоминая о томъ, что никогда не вернется.

Угасающая жизнь Суздаля наложила особый отпечатокъ на всѣхъ его обывателей; суздальцы не считаютъ прошлые вѣка чужими и умѣютъ хранить свою старину. Бѣгло разсмотрѣвъ ея памятники, мы присмотрѣлись къ тѣмъ силуэтамъ минувшаго, что сохранили намъ монастыри и церкви, и что осталось отъ безмятежной тишины старыхъ церквей, ритмичныхъ райскихъ видѣній иконъ, бѣлой идилліи монастырскихъ стѣнъ и торжественныхъ словъ старыхъ книгъ и сказаний!..